

ХИНЕС
ПЕРЕС ДЕ ИТА

—
ПОВЕСТЬ
О СЕГРИ
И АБЕНСЕРРАХАХ

Хинес Перес де Ита

Повесть о Сегри и Абенсеррахах

Перес де Ита Х.

Повесть о Сегри и Абенсеррахах / Х. Перес де Ита —

Повесть о раздорах Сегри и Абенсеррахов, мавританских рыцарей из Гранды, о бывших там гражданских войнах и о стычках, происходивших в Гранадской долине между маврами и христианами, до тех пор, пока король дон Фернандо Пятый не взял Гранаду. Повесть извлечена из одной арабской книги, написанной очевидцем событий, мавром из Гранады по имени Абен Хамин, и излагает события с основания города.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	22
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	27
ГЛАВА ПЯТАЯ	32
ГЛАВА ШЕСТАЯ	37
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	54
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	59
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Хинес Перес де Ита
Повесть о раздорах Сегри и Абенсеррахов,
мавританских рыцарей из Гранады, о
бывших там гражданских войнах и о
стычках, происходивших в Гранадской
долине между маврами и христианами,
до тех пор, пока король дон Фернандо
Пятый не взял Гранаду. Повесть заново
извлечена из одной арабской книги,
написанной очевидцем событий, мавром
из Гранады по имени Авен Хамин, и
излагает события с основания города.
Переведена на кастильский язык Хинесом
Пересом де Итой, жителем города Мурсии

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В ней повествуется об основании Гранады,
о королях, там царствовавших, и о
других вещах, касающихся ее истории

Знаменитый и славный город Гранада был основан одной прекрасней девушкой, дочерью или племянницей короля Испана¹. Его основание произошло в обширной и живописной долине² близ горной цепи, называемой Сьерра-Эльвира³. Сначала город получил имя своей основательницы, инфанты, которую звали Илиберией⁴, и находился в двух лигах⁵ расстояния от его теперешнего местонахождения, недалеко от селения Альболоте, по-арабски Альболур. Но с течением лет жителям города по каким-то причинам показалось, что им в этом месте

¹ Король Испан (Гиспан) и упоминаемая ниже его дочь Илизерия (Илиберис) – лица мифические. Согласно мифу, Испан был сыном Непала (Гиспала) – одного из друзей Геракла. Непалу миф приписывает основание города Гиспалис (позднее – Севилья)

² Долина (по исп. Вега) Гранады – название употребляется и как имя собственное.

³ Сьерра – бук. «пила». Так в Испании называются горные цепи

⁴ Илиберия – см. прим. 1.

⁵ Лига – испанская мера длины, равная приблизительно 51/2 км.

нехорошо, и они основали город там, где он находится и ныне, – близ Сьерры-Невады ⁶, между двух прекрасных рек, из которых одна называется Хениль, а другая – Дарро ⁷. Реки эти получают свое начало не из источников, а из снегов, в течение всего года тающих в Сьерре. В Дарро добывают чистое золото, а в Хениле – серебро. И это не выдумка, ибо я – автор настоящего повествования – сам видел, как их там добывают. Этот знаменитый город был основан на трех возвышенностях, или холмах, как то можно видеть и ныне. На холмах были выстроены три красивых крепости, или замка. И один из замков расположен в виду прекрасной долины и реки Хениль. Эта долина имеет восемь лиг в длину и четыре в ширину; по ней протекают еще две речки, хотя и не особенно большие; одна из них называется Вейро, другая – Моначилль. Долина начинается от подножья Сьерры-Невады, тянется вплоть до Источника сосны ⁸ и еще дальше, за большой лес, называемый Римским лесом. Первый из замков зовется Алыми Башнями. Там образовалось большое селение Антекеруэла. Вторая крепость, или замок, расположена на втором холме, вблизи от первого и несколько более высоком; она называется Альгамбра ⁹; это – красивое и мощное строение; и в нем короли устроили себе резиденцию и дворец. Третью крепость выстроили на третьей вершине, недалеко от холма Альгамбры, и назвали ее Альбайсином ¹⁰. И здесь возникло очень людное селение, какого нельзя было и ожидать. В низине между Альгамброй и Альбайсином протекает река Дарро, образуя живописные берега, поросшие серебряными тополями.

Новый город жители Илиберии назвали не старым именем, а Гарнатой ¹¹, в память того, что в одном из гротов на берегу реки Дарро была найдена прекрасная девица по имени Гарната; ее имя дали городу, а со временем слово было искажено и превратилось в Гранаду. Другие же говорят, что город называли таким именем из-за множества домов и тесноты. Царившей в нем: дома жались друг к другу, точно зерна плода гранатового дерева. Слава, величие и богатство этого города непрерывно возрастали, покуда он не подвергся разрушению; до тех же пор он никогда не утрачивал своего благородства и расцветал все более, вплоть до того несчастного и горестного времени, когда погибла Испания: времени короля готов Родриго ¹². Незачем здесь говорить о причине ее гибели, ибо она слишком хорошо известна: то была Кава, дочь графа дона Хулиана. И так как другие авторы повествуют об этом, я ничего больше не добавлю. Скажу только, что вся Испания погибла, и вплоть до самой Астурии овладели ею мавры, кото-

⁶ Снежная Сьерра; получила название от вечных снегов на ее вершинах. Река Хениль берет начало недалеко от Гранады, в Сьерре-Неваде, и течет на запад, где впадает в Гвадалквивир.

⁷ Дарро, или Рио-де-Оро (Золотая река), течет с севера и впадает в Хениль.

⁸ *Источник сосны* (по-исп. дель Пино). – Случаи разъясняющего перевода географических названий оговорены во второй статье в данной книге.

⁹ *Альгамбра* – крепость и дворец королей Гранады. Альгамбра стоит на холме в юго-восточной части города, обнесена стеной с боевыми башнями. Река Дарро, омывающая холм Альгамбры с севера, отделяет его от Альбайсина (см. прим. 10). В главных своих частях Альгамбра была выстроена между 1250 и 1350 г. Название свое, значащее по-арабски «красная», она – по одной версии – получила от красного цвета кирпичей, из которых сложены ее стены, по другой – в память красного отблеска факелов, при свете которых по ночам происходила ее постройка. Из Альгамбры открывается великолепный вид: на севере и западе видны город и Долина Гранады, на юге и востоке – вершины Сьерры-Невады. Древнейшую часть Альгамбры составляет цитадель Алькасава, выстроенная над крутым северо-западным склоном холма. Дворец Альгамбры – шедевр мавританского строительного и камнерезного, а примыкающий к Альгамбре сад Хеирералиф – паркового искусства.

¹⁰ *Альбайсин* (по-араб. значит «город на склоне») – северная часть города на холме того же названия. Улицы Альбайсина по склону холма спускаются к реке Дарро, отделяющей эту часть города от Альгамбры. Кварталы Альбайсина до сих пор сохранили свою мавританскую специфику.

¹¹ *Гарната*. – Относительно происхождения города Гранады и ее названия существуют разные версии. По одной из них (ее придерживается упоминаемый Пересом де Итон историк Эстебан Гарнбай Самальоа) город был основан при императоре Адриане (II в. н. э.). По другой версии (и как будто более близкой к истине) город и его название – арабского происхождения. Название значит «гранатовый замок». В обоих случаях уподобление плоду гранатового дерева (лат. *malum granatum*) могло иметь место.

¹² *Родриго* (Родерих) – последний король вестготского королевства в Испании. Свергнув своего предшественника, он успел процарствовать только год – с 710 по 711 г.

рых привели смелые вожди и полководцы, один по имени Тариф, другой – Муса¹³. Тогда же была завоевана маврами славная Гранада, и ее заселили африканцы. Но случилось так, что из всех мавританских племен, вторгнувшихся в Испанию, осели в Гранаде самые лучшие, самые знатные и самые воинственные из тех, кто пришел с полководцем Мусой. А причиной тому были великая красота и богатство города и плодородность земли. И они остались чрезвычайно довольны его изобилием, местоположением и укреплениями. Полководец же Тариф остался очень доволен городом Кордовой, а его сын Балахис – Севильей, королем которой он сделался, как рассказывает про то Хроника короля дона Родриго. Но ни Кордову, ни Толедо, ни Севилью, ни Валенсию, ни Мурсию, и никакой другой город с многочисленным населением не заселили столь знатные и благородные рыцари и столь славные мавританские роды, как Гранаду. Потому надлежит перечислить некоторые из тех семейств и сказать, откуда они родом, хотя и не называя всех, дабы не быть слишком многословным в нашем повествовании; в дальнейшем мы их и назовем.

Итак, Гранаду заселили лучшие роды Африки, и не переставал потому славный город расти и застраиваться новыми огромными и величественными зданиями. Ибо управляли им доблестные и деятельные короли, выстроившие там себе большие мечети и обнесшие город крепкими стенами с высокими башнями, чтобы христиане не смогли отвоевать его обратно. Они выстроили новые мощные замки, перестроили и укрепили старые, а вне городских стен воздвигли укрепленные башни, которые сохранились и поныне. Соорудили неприступный замок Бильбатаубин с его подземельями и подъемным мостом; построили башни над воротами Эльвиры и Алькасава, а также на площади Бибальбулур, и знаменитую башню Асейтуно, расположенную на пути в Гуадис, и многие другие здания, достойные упоминания, о которых будет еще сказано в нашей повести. И я мог бы здесь привести имена всех мавританских королей, царствовавших и повелевавших в этом славном городе и в Испании, и калифов; но, чтобы не терять времени, назову по порядку только мавританских королей, царствовавших в одной только Гранаде, умолчав о всех остальных калифах и властителях; я следую в моем перечислении за историком Эстефаном Гарибай Самальоа¹⁴.

Первого мавританского короля Гранады звали Магома Альхамар¹⁵. Он царствовал в ней тридцать шесть лет и три месяца и скончался в тысяча двести семьдесят третьем году.

Второго короля Гранады звали, как и его отца, Магома Мир-Альмуслемин. Этот король сделал замок Альгамбру более пышным и укрепленным, как это можно видеть еще и теперь. Он царствовал двадцать девять лет и умер в тысяча триста втором году.

Третьего короля-Гранады звали Магома Абенальхамар. Один из его братьев лишил его престола и заточил в темницу. Он процарствовал семь лет, кончив царствовать в тысяча триста седьмом году.

¹³ Тарик (или Тариф) – полководец наместника Североафриканского халифата Мусы. Высадившись в 711 г. со своим войском в Испании, у скалы, называемой по его имени Джебел-ал-Тарик (т. е. скала Тарика – Гибралтар), и соединившись с войском мятежного феодала графа Хулиана, дочь которого Каву, но преданию, король Родриго соблазнил, Тарик уничтожил в восьмидневной битве (с 19 по 26 июля 711 г.) войско вестготов. Победа открыла арабам доступ в глубь Пиренейского полуострова. Сам Родриго пропал в последний день битвы. Раньше считалось, что битва произошла на р. Гвадалете близ города Херес де-ла-Фронтера (Херес Пограничный). Так говорилось и в народных романах. Позднейшие исследования установили, что она произошла у самого Гибралтара. Родриго поспешил навстречу Тарику и дал бой, не дождавшись подкрепления. Эта поспешность была одной из причин неудачного для христиан исхода сражения. Муса явился в Испанию после Тарика, когда значительная часть ее уже была завоевана. Муса был наместником в Северной Африке халифов Омейядов, правивших в Дамаске. С 705 по 715 г. халифом был ал-Валид I. Тарик – подчиненный Мусе полководец. Впоследствии, завидуя успехам Тарика, Муса отстранил его от командования. Халиф – по-исп. калифа.

¹⁴ Историк Эстефан Гарибай Самальоа (1525 – 1593) – современник Переса де Иты, издавший в 1571 г. свою «Историю Испании», составленную на основе ряда хроник и летописей.

¹⁵ Речь идет об эмире Мухаммаде I Ибн ал-Ахмарс, правившем между 1232 и 1272 г. Общее замечание о степени точности данных Переса де Иты об эмирах Гранады Насридах см. во второй статье данной книги. Не желая нарушать своеобразия произведения, мы всюду оставляли подстановки испано-христианских наименований вместо мавританских. Так, например, дальше будет идти речь о «мавританских рыцарях» и т. п.

Четвертого короля Гранады звали Магома Абенасар. У этого короля отнял королевство один из его племянников, по имени Исмаил, в тысяча триста тринадцатом году. Он царствовал шесть лет.

Пятого короля Гранады звали Исмаилом; его убили его же вассалы и приспешники, но убийцы были за это обезглавлены. Он царствовал девять лет, до тысяча триста двадцать второго года.

Шестого короля Гранады звали Магома; его точно так же предательски убили собственные приближенные. Он царствовал одиннадцать лет и погиб в тысяча триста тридцать третьем году.

Седьмого короля Гранады звали Юсуфом Абенаметом; он тоже погиб от измены. Царствовал одиннадцать лет, погиб в тысяча триста пятьдесят четвертом году.

Восьмого короля Гранады звали Магома Лагус. Его лишили престола. Он царствовал двенадцать лет и кончил в первый раз царствовать в тысяча триста шестидесятом году.

Девятого короля Гранады звали Магома Абенамар – Магома Седьмой. Этого короля без всякой вины убил в Севилье король дон Педро ¹⁶, когда тот явился к нему просить о дружбе и милости. Король дон Педро убил его собственноручно ударом копья и велел умертвить всю свиту, явившуюся с этим королем. Он процарствовал всего два года, кончив царствовать в тысяча триста шестьдесят втором году. Голова его в качестве подарка была послана городу Гранаде.

Тогда в Гранаду вернулся царствовать Магома Лагус, и оба его царствования продолжались двадцать девять лет: двенадцать – в первый раз и семнадцать – во второй; скончался в тысяча триста семьдесят девятом году.

Десятого короля Гранады звали Магома Гуадис; он мирно процарствовал три года; умер в тысяча триста девяносто втором году.

Одиннадцатого короля Гранады звали Юсуф, – второй с этим именем. Он умер от яда, который прислал ему в парчовой альхубе или марлоте ¹⁷ король Феса. Он царствовал четыре года и скончался в тысяча триста девяносто шестом году.

Двенадцатого короля Гранады звали Магома Абенамар. Он царствовал двенадцать лет и скончался в тысяча четыреста восьмом году. Он умер от надетой им отравленной рубашки.

Тринадцатого короля Гранады звали Юсуф – третий с этим именем. Он царствовал пятнадцать лет, умер в тысяча четыреста двадцать третьем году.

Четырнадцатого короля Гранады звали Магома Абенасар Левша. После того как он процарствовал четыре года, его свергли с престола в тысяча четыреста двадцать седьмом году.

Пятнадцатого короля Гранады звали Магома Молодой; ему отрубил голову Абенасар Левша, упомянутый выше, который при поддержке Магомы Карракса, рыцаря из рода Абенсеррахов, принудил Магому Молодого вернуть ему царство. Магома Молодой царствовал всего два года и кончил царствовать в тысяча четыреста тридцатом году.

Вернулся на престол Абенасар Левша, но его вторично лишил царства Юсуф Абенальмо, его племянник. В последний раз этот король царствовал тринадцать лет; кончил в тысяча четыреста сорок пятом году.

Семнадцатого короля Гранады звали Абенгосмин Хромой. В его царствование произошла кровопролитная битва при Альпорчонах. В то время в Кастилии царствовал король дон Хуан Второй ¹⁸. И так как эта битва попадает в наше повествование, расскажем про нее раньше, чем продолжать перечень мавританских королей Гранады.

¹⁶ *Дон Педро* – по прозвищу Жестокий, был королем Кастилии и Леона (1350 – 1369).

¹⁷ *Альхуби, марлота* – мавританские одежды. Альхуба – длинная, до колен, туника с поясом и с короткими рукавами. Марлота – род широкого плаща с капюшоном. Об арабских костюмах см.: *Стамеров К. К.* Нариси з історії костюмов [Очерки по истории костюмов, на укр. языке]. Київ, 1978, ч. 1, с 180 – 194.

¹⁸ дон Хуан *Второй* – король Кастилии и Леона, царствовал с 1406 по 1454 г.

Надлежит знать, как о том рассказывают старинные арабские и кастильские хроники, что король Абенгосмин имел при своем дворе многочисленное и доблестное мавританское рыцарство, ибо в Гранаде находилось тридцать два очень знатных рыцарских рода, как то будет видно из дальнейшего; в числе этих родов были Гомелы, Масы, Сегри, Венегы, Абенсеррахи – эти были самой высокой крови; затем Малики Алабесы, ведшие свою родословную от королей Феса и Марокко, отважные рыцари, с которыми короли Гранады всегда очень считались; эти Малики были алькайдами¹⁹ в Гранадском королевстве, и именно в силу того, что они были отменными рыцарями, великой храбрости и верности, они занимали посты алькайдов в наиболее опасных пограничных областях. И чтобы всем стало известно, кое-что о них скажу.

В Вере был алькайдом Малик Алабес – храбрый и доблестный рыцарь. В Велесе Белом – один из его братьев, по имени Магома Малик Алабес В Велесе Алом – еще один Алабес, третий брат из этой семьи, алькайд очень благородный и смелый, большой друг христиан. Еще был Алабес – алькайд в Хикене, а другой Алабес – алькайд в Тириэсе, области, пограничной с Лоркой и близкой к Орсе и Кульяру, Бенамауреле, Кастильехе, Канилес и многим другим городам королевства. Названные Малики Алабесы занимали посты алькайдов, как уже было сказано, в силу того, что все они являлись рыцарями великой доблести и пользовались большим доверием. Но, кроме них, были еще и другие рыцари в Гранаде, которыми гранадские короли очень дорожили. Среди них был рыцарь по имени Абидбар из рода Гомелов; отважный рыцарь и вождь многих воинов. И будучи человеком великого мужества, не умеющим оставаться в праздности и привыкшим вести постоянные войны с христианами, он однажды сказал своему королю:

– Государь! Я был бы очень счастлив, если бы твое высочество позволило мне совершить вторжение в земли христиан, ибо не дело, когда ратные люди пребывают в бездействии и не употребляют оружия. И если ты мне позволишь, то я вторгнусь в пределы Лорки, Мурсии и Картахены, – все это земли очень богатые и обильные скотом. И я обещаю с помощью Магомета вернуться оттуда с обильной добычей и пленниками.

Король ответил ему:

– Слушай, Абидбар! Мне очень хорошо известна твоя храбрость, и много дней прошло уже с тех пор, как не давалось позволения на набег. И я дал бы его, чтобы военный люд мог пустить в дело свое оружие. Но позволить вторгнуться в названные тобой области я опасюсь, ибо и в Лорке, и в Мурсии, и в Картахене есть много храбрых рыцарей, и они отлично сражаются; и мне не хотелось бы – порукой тому моя корона, – чтобы с тобой случилось что-либо дурное.

– Пусть не страшится государь опасности, – ответил Абидбар, – ибо я поведу с собой таких воинов и таких алькайдов, что без всякого страха смогу с ними вторгнуться, – я не говорю в пределы Лорки и Мурсии, но даже я решился бы с ними проникнуть и до самой Валенсии.

– Ну, если таково твое мнение, то выполняй свою волю: мое позволение ты имеешь.

И Абидбар поцеловал за это королю руку и тотчас же отправился к себе домой на улицу Гомелов, и приказал заиграть в аньяфилы²⁰ и в боевые трубы. И на их воинственные звуки собралось огромное множество воинов, все хорошо вооруженные, чтобы посмотреть, каковы причины этого военного сбора. А когда Абидбар увидел собрание стольких воинов так хорошо вооруженных, он очень обрадовался и сказал им:

– Знайте, дорогие друзья, что нам предстоит совершить набег на королевство Мурсию, откуда, если то будет угодно аллаху, мы вернемся обогащенными; и потому пусть каждый из вас смело следует за моими знаменами.

¹⁹ *Алькайд* (от араб, «ал-кайд» или «ал-гайд», от глагола «гада» – вести войско) – у мавров, а затем у испанцев, заимствовавших слово с сохранением его значения, – губернатор города, крепости или наместник провинции; позже – начальник тюрьмы. Не путать с „алькальд“ – городской голова, сельский староста, мэр.

²⁰ *Аньяфил* – боевая мавританская труба с длинным прямым стволом, слегка расширенным на конце.

Все ответили, что они тому очень рады. Итак, Абидбар выступил из Гранады в сопровождении многочисленных всадников и пеших и направился в Гуадис. Там он переговорил с мавром Альморадí, тамошним алькайдом, который последовал за ним со многими конными и пешими воинами. К ним присоединился еще алькайд Альмерии по имени Малик Алабес и тоже со многими весьма искусными в бою ратниками. Оттуда они направились в Басу, где был алькайдом Абенасис, точно так же предложивший свою помощь. Здесь, в Басе, соединились одиннадцать алькайдов окрестных областей, дабы разделить славу вторжения в пределы Лорки и Мурсии. И со всем этим воинством храбрый полководец Абидбар двинулся в Веру, где был алькайдом доблестный Алабес Малик. Там, в Вере, закончились сборы всего войска мавров, и вот имена всех составивших его алькайдов:

Главный военачальник Абидбар, Абенасис – наместник Басы, его брат Абенкасин из Гранадской долины, Малик Алабес из Веры, Алабес – алькайд Велеса Белого, Алабес – алькайд Велеса Алого, Алабес – алькайд Альмерии, Алабес – алькайд Кульяра, Алабес – алькайд Гускара, Алабес – алькайд Орсы, Алабес – алькайд Пурчены, Алабес – алькайд Хикены. Алабес – алькайд Тириэсы, Алабес – алькайд Канилес.

Все перечисленные алькайды Малики Алабесы были родственниками между собой, как уже было сказано, и все о«и привели сколько могли солдат. Кроме того, к ним присоединились еще три других алькайда: один из Мохакара, другой из Сорбас и третий из Лобрина. Соединившись, все эти алькайды произвели смотр собранным ими силам, и оказалось налицо шестьсот всадников, хотя другие утверждают, что их было восемьсот, и тысяча пятьсот пеших, другие же говорят, что их было две тысячи. Итак, собралось большое количество ратных людей; точно двенадцатого или четырнадцатого марта тысяча четыреста пятьдесят третьего года они вступили в пределы Лорки, а со стороны моря достигли окрестностей Картахены и прошли вплоть до Сан-Хинеса и Пинатара, нанося христианам большой ущерб. Они захватили в плен много людей и множество скота. Овладев добычей, мавры, очень довольные и гордые, пустились в обратный путь. И, достигнув подножий Сьерры-Агуадерас, они стали совещаться: возвращаться ли им морским берегом, как они и пришли, или же пройти открыто через долину Лорки? По поводу этого возникли большие споры и были различные мнения. Многие настаивали на возвращении по старому пути, ибо он был надежнее; другие же говорили, что это явилось бы большой трусостью и недостатком чести – не пройти через долину Лорки, невзирая на опасность. И к последнему мнению склонился Малик Алабес, а с ним вместе и все его вассалы и большинство алькайдов. Остальные мавры, увидев, что эти храбрые вожди решили вернуться через долину Лорки, не стали больше противиться такому решению. И с распущенными знаменами, ведя пленных и добычу в середине храброго войска, они, вдоль Сьерры-Агуадерас, повернули к Лорке.

К тому времени жители Лорки уже знали о вторжении в их земли этого войска, и дон Алонсо Фахардо, алькайд Лорки, уже написал о происходившем Диэго де Ривера, коррехидору²¹ Мурсии, и просил его, чтобы он тотчас явился с возможно большим количеством людей. Коррехидор не заставил себя ждать: с великой поспешностью выступил он из Мурсии с семьюдесятью всадниками и пятьюстами пешими, воинами большой отваги и мужества. Он соединился с отрядом Лорки, состоявшим из двухсот всадников и тысячи пятисот пеших, тоже отменно храбрых солдат. К ним присоединился еще Алонсо де Лисон, рыцарь ордена Сант-Яго²², быв-

²¹ *Коррехидор* – судейский чин в Испании, главный судья города или провинции. Мог выполнять также функции губернатора. Последнее обстоятельство объясняет, почему алькайд Лорки обратился за помощью к мурсийскому коррехидору: военные силы Мурсии были под его начальством.

²² *Орден Сант-Яго* – назван в честь апостола Иакова Старшего (Сант-Яго), считавшегося крестителем и покровителем Испании. Один из четырех испанских рыцарских орденов был основан в царствование короля Леона Фернандо II около 1170 г. Как указывает эмблема ордена – крест в форме меча – орден военный, и причиной его создания были частые нападения мавров на пилигримов, направлявшихся в Компостелу на поклонение предполагаемой гробнице св. апостола Иакова. Члены ордена давали при посвящении обет бедности, послушания и брачного целомудрия. Парадное одеяние рыцарей состояло из

ший в ту пору алькайдом замка и крепости Аледо. Он привел с собой девять всадников и четырнадцать пехотинцев, ибо в замке нельзя было набрать больше.

Тем временем мавры двигались очень поспешно, веселые и гордые, и, вступив в пределы Лорки, захватили в плен одного рыцаря по имени Киньонеро, выехавшего осмотреть поле. Отряды Лорки и Мурсии приближались с великой скоростью, и маврам уже были видны идущие на них знамена. Они очень удивились при виде стольких объединенных всадников и не могли поверить, чтобы в Лорке успело собраться такое блестящее войско. И тогда Малик Алабес, наместник и алькайд Веры, отнявший у Киньонеро коня и оружие, обратился к нему с таким вопросом, следующим Далее в стихах:

Алабес

Не кляни судьбы ты злой,
Что тебя теперь сурово
Обрекла носить оковы.
Имя нам свое открой.

И хоть ты сегодня пленный.
Но – как знать – за выкуп ценный
Я тебе свободу дам,
Если правду скажешь нам.

Киньонеро

Не труса и лицемера
Видишь ты перед собой;
Я из Лорки кавальеро
И зовусь я Киньонеро,
Герб имею золотой.
Жизнь моя – в твоей деснице...
Но захочет рок-изменник –
И ты завтра будешь пленник,
Заточен в моей темнице.
Правды полны будут речи;
Чуждый лжи или сомнений,
Не склонив дрожа колени,
На вопрос я твой отвечу.

Алабес

Войско там вдали гремит;

Из-за кущ густых олив
Ветер мчит трубы призыв,
Солнце стяги золотит.
Киньонеро, пусть услышу,
Чья пехота и чьи кони,
Чьи сверкают ярко брони,
Ветер стяги чьи колышет,
Кто отвагою там дышит.

Киньонеро

Назову тебе знамена эти:
В блеске золотых шести корон,
В ярких красках, пышном цвете
Стяг мурсийский вознесен.
Стяг второй, гербом венчаный,
Королем с мечом в гербе,
Он из Лорки мне желанной,
Он давно знаком тебе.
На полях твоих он развевался,
От Гранады был он недалек,
Он в сраженья первый мчался.
Остальных с собою влек.
Под шатром знамен цветенья
Рати смелые видны,
Жаждой битвы, жаждой мщенья
Рыцарей сердца полны.
Не избежать мести грозной...
Вот уж громче трубный рокот,
Все слышнее конский топот.
Строй полки пока не поздно!

Алабес

Клятву дам! Свидетель клятвы
В свете истины нетленной
Будь ты мне, коран священный:
Мавров меч пожнет здесь жатву!
Пусть достигнет враг ложбины,
Что от нас их отделила,
Остановит наша сила,
Сломит их напор единый.
Так смелее, в ту дубраву,
Встретим сталью их кроваво!
Пусть, как эхо, мчат в Альгамбру

Трубный клич и песни самбры ²³
Весть победы – нашу славу!

²³ *Самбра* – у мавров – народное празднество с пением и плясками, а также песни, исполнявшиеся на этом празднике

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ней повествуется об очень кровопролитной битве при Альпорчонах и о принимавших в ней участие мавританских и христианских воинах

Едва лишь алькайд Малик Алабес проговорил эти слова, как конница христиан с такой отвагой и пылом ринулась вперед, что при первом же столкновении перешла в ложбину, несмотря на сопротивление мавров. Но мавры при этом не проявили никакой трусости, а выказали еще большее мужество в бою. Добрый Киньонеро, видя, что все смешалось в битве, подзвал к себе христианского воина, чтобы тот перерезал на нем веревки, которыми он был связан, и, оказавшись на свободе, он тотчас же схватил копье и щит одного убитого мавра, вскочил на одного из многочисленных коней, уже без всадников носившихся по полю, и как доблестный рыцарь выказал чудеса храбрости. Но храбрые мавританские вожди, особенно Малики Алабесы, проявили такую стойкость, что христиане с большим уроном вынуждены были отступить за ложбину. При виде этого Алонсо Фахардо, Алонсо де Лисон, Диэго де Ривера и другие славные рыцари Мурсии и Лорки стали сражаться столь отважно, что мавры были сломлены, и христиане нанесли им очень большой урон. Но храбрые Алабесы и Альморади, наместник Гуадиса, снова с великим мужеством сомкнули ряды своих воинов и снова ударили на христиан, многих из них убивая и рая. Если бы кто посмотрел в то время на чудеса храбрости христианских рыцарей! Поистине стоило взглянуть, с какой отвагой они убивали и ранили мавров. Абенасис, наместник Басы, наносил большой урон христианам. Умертвив одного, он снова устремился в сечу, совершая великие подвиги. Но Алонсо де Лисон, видевший, как он убил христианина, воспламенился гневом и постарался отомстить за его смерть. Он поспешил за Абенасисом, громким голосом призывая его подождать. Мавр обернулся, чтобы посмотреть, кто его зовет. И, посмотрев, признал, что это должен быть знатный рыцарь, ибо на его щите имелись крест и ящер ордена Сант-Яго. И, надеясь вернуться с очень ценными трофеями в Басу, он с великой храбростью атаковал де Лисона и пытался его ранить, но славный де Лисон, немало опытный в бранном деле, сумел защититься и в свою очередь напасть на противника, нанести ему две раны в столь короткое время, в которое можно произнести только два слова. Раненый мавр, точно лев, ревел от ярости и пытался убить врага, но скоро обрел собственную смерть, потому что Лисон нанес ему столь сокрушительный удар в грудь, не прикрытую адаргой²⁴, что, несмотря на кольчугу, вонзил копье ему в тело; тогда мавр упал с коня и тут же был растоптан копытами. Конь де Лисона получил тяжелую рану, и это заставило его всадника взять себе великолепного коня алькайда Басы; на нем ринулся он в самую гущу битвы, восклицая: «Сант-Яго, смерть маврам!»

Алонсо Фахардо и коррехидор Мурсии беспощадно разили мавров. И столько преуспели в этом воины Мурсии и Лорки, что мавры вторично были сломлены. Но велико было мужество гранадских рыцарей: они сражались яростно и жестоко и, так как ими управляли доблестные вожди, стойко держались в битве. Столь велики были храбрость и мужество Алабеса, что он мгновенно сомкнул ряды своих людей и вернулся с ними в бой с таким пылом, точно войско его никогда и не было сломлено. Бой тот был очень кровопролитен. Уже много человеческих и конских трупов лежало на земле, к самому небу поднимались громкие крики и грохот сражения, пыль клубилась облаками, так что сражающиеся едва могли видеть друг друга. Но не утихала от этого буря кровопролитной сечи, хотя сражающиеся и не видели, и не слышали друг

²⁴ *Адарга* – мавританский большой щит овальной или сердцевидной формы, обычно обтягивавшийся кожей.

друга из-за пыли и криков. Храбрый Алабес совершал чудеса и производил такое опустошение в христианских рядах, что никто не мог устоять перед ним. Увидев это, Алонсо Фахардо, доблестный алькайд Лорки, с такой яростью напал на Алабеса, что устрасил его одним своим видом. Но, не отдавшись ни на минуту страху, Алабес смело дал отпор Фахардо и осыпал его столькими ударами копья, что, не будь хорошо вооружен добрый алькайд, умер бы он там же на месте от руки Алабеса – мавра великой силы. Однако на этот раз мало помогла Алабесу его сила, ибо мощь Алонсо Фахардо во много раз ее превосходила. Сломилось копьё алькайда Лорки, и он в тот же миг взялся за свой меч и так стремительно напал на противника, что тот уже не смог воспользоваться своим копьем и вынужден был, отбросив его, взяться за альфангу²⁵, чтобы сражаться с Алонсо Фахардо. А храбрый алькайд, невзирая на опасность, ему угрожавшую, хорошо прикрывшись щитом, так обрушился на Алабеса, что, ударив его легкий щит, отбил от него большой кусок. Щит его оставался подвешенным на шее, но ему удалось освободившейся левой рукой ухватиться за ручку вражеского щита; он рванул ее с такой силой, что едва не вырвал щит из рук врага. Алабес, увидя Фахардо столь близко от себя и хорошо зная его в лицо, собирался ударить его альфангой по голове, думая этим ударом покончить с ним. И, конечно, Алонсо Фахардо пришлось бы плохо, так как не было у него в руке щита, но в этот миг неудача постигла мавра, потому что конь его, получивший тяжелую рану, упал на землю, и всаднику не пришлось нанести удара.

Едва Алабес оказался на земле, как лоркские пешие воины окружили его, нанося ему по всему телу раны. Алонсо Фахардо, увидев мавра в таком положении, мгновенно соскочил с коня, бросился к нему и с такой быстротой и силой обхватил его руками, что тот не смог даже двинуться. Воины тут же схватили Алабеса, они знали его в лицо, ибо почти каждый день терпели от него значительный вред. Так был Алабес захвачен в плен, и Алонсо Фахардо приказал вывести его из битвы, что воины и исполнили.

Тем временем с прежней силой и прежним кровопролитием продолжалась битва, но уже не было видно ни одного из мавританских полководцев. И оттого начало овладевать маврами большое смущение, и они стали сражаться не так, как должно, не с прежним мужеством, но все же делали, что могли.

В этот день воинство Лорки проявило большую храбрость и совершило в сражении великие дела. И не меньше сделало воинство Мурсии, прославившее себя на поле боя. Вождь Абидбар, не замечая больше на поле сражения ни одного из мавританских алькайдов и полководцев, очень тому удивился; он выехал из сечи и поднялся на пригорок, чтобы обозреть, в каком положении находится битва. И некоторые из мавров, видевшие, как он покинул сражение, последовали за ним и сказали ему: «Чего ты еще ждешь?... Не осталось в живых ни одного мавританского алькайда, а Алабес из Веры в плену». Услышав такую речь, Абидбар сразу утратил все свое мужество и, отчаявшись, счел за лучшее бежать и спасти оставшихся своих рыцарей. И он приказал трубить отступление. При звуке сигнала мавры перестали сражаться, стали искать взорами своего полководца и свои знамена, и, увидев, как Абидбар бежит к Сьерре-Агуадерас, они тотчас же сделали то же самое: последовали за ним, объятые страхом. Христиане их преследовали, многих из них убивая и рая, так что всего спаслось не больше трехсот мавров. Преследование продолжалось до источника Пульпи, что близ Веры.

Христиане одержали славную победу. Эта битва произошла в день святого Патрика²⁶. И оба города – Лорка и Мурсия – празднуют до сей поры этот день в память той победы.

Победоносные, нагруженные оружием и другой добычей, ведя за собой пленных и неприятельских коней, христиане вернулись в Лорку. Алонсо Фахардо вел к себе домой пленником

²⁵ *Альфанга* – короткая изогнутая мавританская сабля с обоюдоострым концом.

²⁶ ...в день *святого Патрика* (по-исп. Сан Патрисио). Патрик – шотландский прелат, креститель Ирландии (372 – 446). То, что победа была одержана 17 марта, т. е. в день этого святого, придает ей в глазах повествователя особый смысл, ибо св. Патрик – один из наиболее чтимых в Испании святых.

Малика Алабеса, и, когда намеревался провести его через калитку своего сада, сказал Алабес: «Я человек не настолько низкого происхождения, чтобы входить пленником через калитку, – я должен войти через королевские ворота города». И он так упорствовал в своем нежелании входить через калитку, что Алонсо Фахардо рассердился и поразил его насмерть. Таков был конец храброго и славного наместника и алькайда Веры.

Пало в сражении двенадцать алькайдов Алабесов, родственников Алабеса из Веры, среди них два его брата – алькайды Велеса Белого и Велеса Алого, а кроме того еще свыше восьмисот мавров. Христиан пало восемьдесят и двести было ранено.

И покрыло себя воинство Лорки и Мурсии великой честью, одержав такую победу во славу господина нашего и его благословенной матери.

Вернемся теперь к вождю Абидбару, бежавшему с поля сражения. Когда он прибыл в Гранаду и король узнал про все случившееся, то приказал отрубить ему голову за то, что он не умер, как подобает рыцарю, в битве, на которую сам же повел мавров. И случилась эта битва, когда в Кастилии царствовал король дон Хуан Второй, а в Гранаде – Абенгосмин, семнадцатый, как уже говорилось, мавританский властитель ее, царствовавший восемь лет и лишенный престола в тысяча четыреста пятьдесят третьем году. Про ту битву при Альпорчонах был сложен следующий старый романс ²⁷:

Звоном музыки военной
Полны улицы Гранады.
Много воинов столпилось
Перед домом Абидбара.
Абидбар неустрашимый
Созывает их недаром:
Он в предел христианский Лорки
Хочет вторгнуться внезапно.
Так на труб призывный голос
Собрались поспешно мавры.
Самых славных в королевстве
Он в поход берет алькайдов.
Чистый отпрыск царской крови –
Альморади из Гуадис,
И Алабес – алькайд Веры,
С ними также Абенасис –
Он алькайд из Басы родом.
Тем алькайдам не впервые
Выступать на поле брани,
И не раз они водили
На христиан свои отряды.
Все войска явились в Веру,
Здесь совет вожди держали
И на нем решили скоро:
Пусть полки ведет Алабес,
Чьей отваге нет предела.

²⁷ В этом случае, как и в ряде других, автор дает прямое указание на народное происхождение (старый) приводимого им романа. В подлиннике этот романс интересен тем, что представляет собою образец наиболее примитивной стихотворной техники этого исторического жанра: четные строки вместо обычного ассонанса на определенную гласную дают мужские и очень тривиальные рифмы (почти на протяжении всего романа рифмуются глаголы первого спряжения в неопределенном наклонении, что по-русски примерно соответствовало бы рифмам на *-ать*).

И алькайды – их двенадцать –
Перед ним склонили стяги,
Все вождем его признали.
Имена их умолчу я, –
Длинной повести не надо.
Заиграли аньяфилы,
Будят эхо труб раскаты,
Развернув свои знамена.
Войско мавров выступает.
Путь тропею потаенной,
Мимо Пульпи вод прозрачных.
Их привел на берег моря.
Картахены здесь начало.
Вторглись мавры злой грозой
В тот предел земли христианской!
Пыль и прах, где был Сан-Хинес,
Пинатар объемлет пламень.
И с добычею несметной
Держат мавры путь обратный.
Но, достигнув Пунтарона,
Вновь совет они созвали:
Им идти ли через Лорку
Или берегом, как раньше?
Упоен своей победой,
Захотел тогда Алабес
Возвратиться через Лорку,
Хоть и было то опасно.
Про набег узнала Лорка,
Про него и Мурсия знает;
О вторженье возвестили
Звуки труб и звон набата.
И с поспешностью примерной
Повели полки алькайды.
Командир Лисон Аледо
К ним примкнул с своим отрядом,
И на поле Альпорчонов
Пришлецов они догнали.
Мавры гордо и беспечно
Путь победный продолжали.
По дороге некий рыцарь
Был как пленник ими схвачен.
Рыцарь звался Киньонеро,
Дворянин из Лорки знатный.
И, вдали войска завидев,
У него спросил Алабес:
– Киньонеро, Киньонеро,
Мне скажи теперь всю правду, –
Ты ведь рыцарь благородный
И скрывать ее не станешь, –

Чьи знамена ветер треплет
За деревьев кущей дальней?
На вопрос чистосердечно
Киньонеро отвечает:
– То знамена Мурсии с Лоркой,
Мурсия с Лоркой поспешают.
А войска алькайда Лорки
И мурсийского алькайда
Вместе с воинством Лисона
Той порой достигли мавров.
Вскачь пустив коней по полю
И пехоту увлекая,
Устремились с львиным пылом
Смело рыцари на мавров.
Строй врагов, что стал стеною,
В первой стычке сломлен сразу.
Позади уже ложбина,
Отступают мусульмане,
Но христиан напор победный
Задержать сумел Алабес,
Меч его сразил их столько,
Что нельзя взглянуть без страха.
Тут христиане с новой силой
На врагов своих напали,
Их премного перебили,
Остальные разбежались.
Триста мавров с поля битвы
С Абидбаром в горы мчатся.
Все другие перебиты
Или в плен к врагу попали.
Был алькайд могучий Веры,
Рыцарь доблестный Алабес,
Из седла ударом выбит
И самим Фахардо схвачен.
Абидбар достиг столицы,
Где был предан лютой казни.

Вот каков был конец кровопролитной битвы при Альпорчонах.

Возвратимся теперь к перечислению мавританских королей Гранады. Про Абенгосмина мы уже сказали, что он был семнадцатым и в его царствование произошла битва при Альпорчонах. Он процарствовал восемь лет и был лишен престола в тысяча четыреста пятьдесят третьем году.

Восемнадцатый король Гранады звался Исмаилом. Именно он отнял царство у Абенгосмина, как уже было сказано. В царствование этого Исмаила погиб Гарсиласо де ла Вега в одном из сражений, произошедших между маврами и христианами. Исмаил царствовал двенадцать лет и кончил свои дни в тысяча четыреста шестьдесят пятом году.

Девятнадцатого короля Гранады звали Мулей Асен, некоторые же его называли Альбоасен. Он был сыном предыдущего короля Исмаила. Великие события произошли в его царствование в Гранадской долине и в самом городе Гранаде. У него был сын по имени Боабдил,

а кроме него, как повествуют арабские хроники, он имел еще одного сына, незаконнорожденного, которого звали Мусой; говорят, что этот Муса родился от пленной христианки. У Мусы был брат, которого, как и законного королевского сына, звали Боабдил. Инфанта Боабдила очень любили гранадские рыцари, и многие из них, недовольные королем – его отцом, провозгласили его королем Гранады и назвали Молодым королем. Другая часть рыцарей приняла сторону Старого короля, так что в Гранаде оказалось два короля – отец и сын, и не проходило ни одного дня без серьезных стычек между обоими королями и их сторонниками. И так, то врагами, то друзьями будучи, правили они королевством и не переставали воевать с христианами и совершать набеги на их земли. Король-отец пребывал всегда в Альгамбре, а Молодой король – в Альбайсине. В отсутствии одного из них правил и повелевал другой. Но именно Старый король украсил Гранаду с наибольшим великолепием и воздвиг огромные и величественные здания, так как он был весьма могуществен и несметно богат. Он приказал пышно отделать славную Альгамбру, что обошлось ему очень дорого, так как отделка была самая драгоценная. Он выстроил знаменитую башню Комарес и Львиный двор ²⁸, названный так потому, что посередине этого открытого и очень обширного двора находится фонтан изумительнейшей работы с двенадцатью львами из алебаstra; весь двор замощен по мавританскому обычаю плитами голубоватого мрамора. Этот же король устроил в Альгамбре много бассейнов и знаменитые водоемы Альхивес; он выстроил колокольную башню, с которой открывается вид на весь город и на Долину. Он насадил близ Альгамбры чудесный лес, почти под самыми балконами королевского дворца, где до сих пор водится множество оленей, кроликов и других животных, пригодных для охоты. Он приказал отделать в мавританском стиле – золотом и голубым мрамором – знаменитый Алихарес ²⁹. Работа эта стоила столько, что мавр, ее выполнявший, ежедневно зарабатывал по сто дублонов. Он велел выстроить на вершине холма Святой Елены (так ныне называется тот холм) великолепный увеселительный дворец. Он основал птичий сад на расстоянии лиги от Гранады, которому во всей Испании нет равного. На самых берегах рек Хениль и Дарро этот король разбил сады, названные Хенералифе, и ни у одного короля в мире не было ему подобного: имелись там – и теперь еще имеются – самые различные виды плодовых деревьев, многочисленные и красиво отделанные фонтаны, площадки и целые аллеи, обсаженные тесным рядом прекрасных мирт. Есть там большой красивый дворец, и в нем множество зал, комнат и покоев; окна отделаны золотом, а в главном зале находятся портреты всех королей Гранады, до него царствовавших, написанные известными художниками; а в другом зале – изображения всех битв с христианами; и все это так живо, что вызывает одно восхищение. Про все эти строения, воздвигнутые им в городе Гранаде и с таким великолепием украшенные, король дон Хуан Первый ³⁰ во время пребывания своего на реке Хениль так спросил у старого мавра Абенамара:

²⁸ *Львиный двор* (или Львиный дворик) – продолговатый внутренний двор в юго-западной части алькасаара – главного мавританского дворца Альгамбры. Изнутри вдоль его галерей тянется колоннада из 124 стройных тонких колонн белого мрамора. Стены частично облицованы плитами голубоватого мрамора, а карнизы покрыты золотом. Прилегающие помещения, как и все парадные залы алькасаара, изукрашены орнаментом и орнаментальными арабскими надписями, своды и арки декорированы резными сталактитами. Название двор получил от фонтана, поставленного в его центре: высеченная из одной плиты большая круглая чаша фонтана покоится на спинах двенадцати львов. На север от центра дворика находится «Зала Двух сестер» и дальше – «Балкон Дарахи». Роковое имя «Зала Абенсеррахов» носит небольшая комната с золотистым убранством, примыкающая к дворнику с противоположной стороны, с юга. Сейчас двенадцатигранная, почти круглая чаша ее фонтана диаметром метра в два, находящаяся на уровне пола, мирно отражает из полутьмы комнаты красоты дворика, от которого она получает свет, и ничто не напоминает о том, что именно этот фонтан принял кровь обезглавленных Абенсеррахов. Впрочем, некоторые историки оспаривают утверждение, будто засада для Абенсеррахов, если событие это произошло в действительности, могла быть приготовлена именно в Львином дворе. Против версии повести говорит, например, то, что в пору умерщвления Абенсеррахов Львиный двор составлял часть гарема, что делало его особенно неудобным для устройства массовой казни.

²⁹ *Алихарес* – увеселительный дворец королей Гранады на склоне холма Солнца (у христиан – Еленин холм). С него открывается вид на берега Хениля и Долину.

³⁰ *дон Хуан Первый* – король Кастилии и Леона, правивший с 1379 по 1390 г. Он тщетно пытался присоединить Гранаду («заключить с ней брак»). Чередования произношения в прозе и в следующем затем романсе: Абенамар – Абенмар, так же как

– Твой отмечен день рожденья,
Абенмар, мне говорили,
Рядом признаков чудесных
Сокровенной, тайной силы.
Наступило полнолуние,
Море стало неподвижно.
Человек тот лгать не должен,
Кто в великий день родился.
Абенмар в ответ промолвил
(Вы словам его внимайте):
– Был еще ребенком малым –
Мать моя меня учила:
Ложь постыдна и презренна,
Только в правде честь и сила.
От отца рожден я мавра
И от пленницы кастильской;
Мать была моя христианкой,
Веру предков свято чтит.
Ты, король, услышишь правду –
Я не лгал ни разу в жизни.
– За благое обещанье,
Абенмар, тебе спасибо.
Мне скажи, какие замки
В отдаленье ясно видно?
– Первый замок: то Альгамбра –
Славно в мире это имя.
Дальше стены Алихарес –
Красоты строенье дивной,
Украшал их королевства
Зодчий лучший, знаменитый,
И за каждый день работы
Злато там ему платили.
Башен Алых очертанья
И сады Хенералифе
С их пленительною сенью,
Нет садов им равных в мире!
Дон Хуан тогда промолвил
(Вы словам его внимайте):
– Если ты, Гранада, хочешь, –
На тебе бы я женился
И в залог поставил брачный
Город Кордову с Севильей.
– Я, Хуан, уже венчалась;
Я – супруга, не вдовица,
И дарит мне много счастья
Мой возлюбленный властитель.

Величие и великолепие гордых зданий Гранады и ее Альгамбры были таковы, что они вызывали изумление, и такими они сохранились доныне. И король Мулагасен³¹ был столь богат и столь счастлив в судьбе своей, что ни один мавританский король, после самого Великого Турка³², не мог с ним равняться; но потом судьба изменила ему, как будет про то рассказано дальше. Служили ему и сопровождали его богатые и славные рыцари, все самой благородной крови и из самых знатных родов, – ибо жило в Гранаде тридцать два славных рода мавританских рыцарей, кроме них было еще много очень могущественных и уважаемых семейств: все потомки тех мавров, что завоевали Испанию во времена ее гибели. И мне кажется уместным перечислить их всех по именам и также сказать, откуда они вышли, из каких земель и провинций.

³¹ *Король Мулагасен.* – Здесь имеется в виду тот же гранадский эмир («король»), который в других случаях назван Мулен Асеном.

³² *Великий Турок* – т. е. турецкий султан в Константинополе, который к концу XV в. был первым лицом в мусульманском мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ней объявляются имена мавританских рыцарей из тридцати двух родов Гранады; рассказывается про различные события, происшедшие в Гранаде; а также перечисляются все города и селения, находившиеся под владычеством гранадской короны

После того, как мы уже рассказали о некоторых событиях в городе Гранаде и описали примечательные здания этого города, мы расскажем теперь о знатных рыцарях, там живших, и еще о городах, селениях, замках и областях, бывших подвластными королям Гранады. И начнем мы с рыцарей, называя каждого из них ³³: Альморади из Марокко, Алахесы, Бенарахи, Аларбы, Алькифай из Феса, Гасулы, Баррахи из Феса, Венегии из Феса, Сегри из Феса, Масы из Феса, Гомелы из Велес де ла Гомера, Абенсеррахи из Марокко, Альбаяльды из Марокко, Абенамары из Марокко, Алатары из Марокко, Альмаданы из Феса, Аудальи из Марокко, Альмоады из Марокко, Асены из Феса, Ланхеры из Феса, Асарки из Феса, Аларифы из Велеса де ла Гомера, Абенамины из Марокко, Сулемы из Марокко, Саррасины из Марокко, Мофарис из Тремесена, Абенчоары из Тремесена, Альмансоры из Феса, Абидбары из Феса, Алмахары из Марокко, Редуаны из Марокко, Альдорадины из Марокко, Альдукарини из Марокко, Малики Алабесы из Марокко – потомки Альмоабеса Малика, короля Куко.

Города королевства и Долины Гранады следующие:

Гранада, Альхендин, Габия-ла-Гранде, Габия-ла-Чика, Альфакар, Пинос, Альболоте, Монтефрио, Алькала-ла-Реаль, Моклин, Коломела, Иснальос, Маласена, Кохольос, Лос Падулес, Алабия, Ласубия, Альгама, Лоха и Лора, Гуадортуна, Кордела, Ильора, Фамала, Гуэльма.

Города земли Баса следующие:

Баса, Сухар, Фрейла, Бенсалема, Кастриль, Бенамаурель, Кастильеха, Гуэскар, Орсе, Галера, Кульяр, Канилес, Велес Белый, Велес Алый, Хикена, Тириэса.

Города и селения по реке Альмансор:

Серон, Тихола, Баярке, Альмунья, Пурчена, Ульсила, Уррака, Юмуй-тин, Овора, Сантопетар, Херкаль, Лас-Куэвае, Портильо, Вера, Мохакар, Турре, Бенитагла, Альбанчес, Кантория, Эрия, Эльбох, Альбореас, Парталова, Сурхена, Кабрера Тереса, Антас, Сорбас, Лобрин, Улеила-дель-Кампо, Серена, Гебро.

Города и селения земли Филабрес следующие:

Филабрес, Васарес, Сьерро, Хегаль, Эль-Володуй.

Города и селения по реке Альмерии:

Альмерия, Эникс, Терке, Санта-Фе, Феликс, Вика, Херкаль, Пичина, Альгама Сухая, Хесиха, Хенеха, Санта-Крус, Оханес, Альманката, Абиатер, Риоха, Илар, Лакунке, Рагуль, Эсфинсион, Канхиар, Мьелес, Марчена.

Города и селения Андухара и Охики:

Андухар и Охика, Берчуль, Ланхарон, Мурталь, Турон, Берха, Лас-Альбуньэлас, Высокие Гуахары, Низкие Гуахары, Залор Высокий, Валор Малый, Кадиар, Кастильо-дель-Иерро, Канилес Асейтун, Далаас, Инокс, Тавернас, Потрос, Алькудия, Гуадис, Лапека, Веас, Калаорра, Бурриана, Финьяна.

³³ Списки мавританских рыцарей, а также географических названий в этой и других главах варьируются от издания к изданию.

Эти и еще многие другие города и селения Альпухарры, Сьерры-Бер-мехи и Ронды, которых можно не упоминать, принадлежали гранадской короне. И поскольку мы уже сказали про них, надлежит теперь рассказать про мавританских рыцарей Маликов Алабесов. То был очень знатный гранадский род, высоко ценимый тамошними королями за его храбрость. И еще надлежит знать следующее: когда Мирамамолин из Марокко вторгся со всеми африканскими королями в Испанию и разрушил ее всю до самой Астурии, вместе с ним пришел король по имени Абдеррамен и привел с собой три тысячи готовых к бою воинов; пришел и другой, по имени Мулей Абоали, и вместе с ним еще двадцать пять мавританских королей, из коих каждый вел большое число воинов. Среди этих королей был один, по имени Магома Малик Альмоабес, царствовавший в Куко, а с ним трое храбрых сыновей его – Малики Альмоабесы.

Все эти короли вторглись со своими войсками в Испанию и вступили в войну с доном Родриго. В той великой битве, где погиб король дон Родриго, а вместе с ним цвет испанского рыцарства, пал от руки инфанта дона Санчо и король Малик. Его три сына продолжали вести войну в течение восьми лет, по прошествии коих почти вся Испания оказалась во власти мавров. Кончив воевать, старший из братьев вернулся в Африку, обильно нагруженный военной добычей, и стал царствовать в королевстве своего отца. Впоследствии потомки его присоединили к своей короне еще Фес и Марокко. У одного из королей Феса был сын-инфант по имени Абомелик; он пришел в Испанию в ту самую пору, когда короли Кастилии воевали с королями Гранады.

И этот инфант Абомелик сделался королем Альхесираса, Ронды и Гибралтара, ибо ему помогали его родственники – потомки тех двух сыновей короля Альмоабеса, которые остались в Гранаде, пленившись цветущей землей и несметной добычей, полученной от войны с испанцами. Они были наделены большими владениями как за свое происхождение, так и за личные достоинства, ибо велик был тот род Маликов Альмоабесов в Гранаде. Они породнились с другими знатными семействами города – с родом Альморадинов. Те всегда и во всем исправно служили гранадским королям. В конце концов они и Абенсеррахи сделались самыми могущественными родами Гранады, несмотря на то, что и кроме них имелось много столь же знатных родов, какими, например, были Сегри, Гомелы, Масы, Венегы, Альморады, Альмоады, Марины, Гасулы и многие другие, которых не называю. И, как было уже сказано, при поддержке этих рыцарей Маликов Альмоабесов инфант Абомелик Мароккский стал королем Ронды, Альхесираса и Гибралтара.

Возвращаясь к теме нашего рассказа, скажем со слов арабского историка, что король Гранады Мулаасен, о котором идет сейчас речь, пользовался услугами всех вышеназванных рыцарских родов; с их помощью Мулаасен держал свой великолепный и процветающий, пышный и богатый двор и свои мирные земли, воевал против христиан и внушал всеобщий страх до той поры, покуда его сын Абоабдил не вырос и между ним и отцом не начались ссоры и разногласия. Кончилось тем, что часть рыцарей, недовольная Старым королем за нанесенные обиды, провозгласила королем сына. Другая же часть осталась верна отцу. Так обстояли дела в Гранаде, но это несколько не отразилось на процветании ее, ибо и два короля по-прежнему хорошо ею правили. Больше управлял Молодой король; он мало считался с волей своего родителя и часто поступал вопреки ей.

Да будет известно, что из тридцати двух благородных родов, живших в Гранаде «каждый состоял больше чем из ста семейств. Тех, кто имел наибольшее значение при дворе, мы здесь назовем, ибо это прямо относится к нашему повествованию. Их перечисляет мавр Абенамин – историк всех событий³⁴, начиная с самого вторжения мавров в Испанию. У этого Абена-

³⁴ Общепризнано и не требует доказательств, что мавританский летописец Абенамин, которому Перес де Ита приписывает авторство своей книги, как Сервантес Сиду Амету Бененхели авторство «Дон Кихота», – лицо вымышленное. Однако в 1913 г. Паула Бланшар-Демонж в своем комментированном издании книги Переса де Иты высказала предположение, будто он действительно пользовался арабскими источниками для написания своей книги и что под Абенамином он имеет в виду

мина имелось прекрасное обыкновение тщательно собирать все бумаги, документы и писания, относящиеся к истории Гранады с первого и второго ее основания. Так вот, этот арабский историк говорит, что рыцари, пользовавшиеся наибольшим уважением в городе Гранаде и во всем королевстве, были следующие: Альхамары, Альморади, Алабесы, Абенсеррахи, Гомелы, Венеги, Льеги, Масы, Сегри, Абенамары и Гасулы.

Особенно высоко ценились Абенсеррахи – рыцари очень благородной крови, потомки того самого вождя Абенсерраха, что пришел вместе с Мусой во времена гибели Испании. От него и его двух братьев произошли отважные рыцари Абенсеррахи, в чьих жилах текла королевская кровь. Так утверждает арабский историк в своей хронике. О подвигах этих храбрых рыцарей имеются записи также и в хрониках королей Кастилии, на которые я ссылаюсь.

Кто более всего дружил с этим родом, так это Малики Алабесы и смелый Муса, побочный сын короля Мулаасена. Это был сильный и доблестный рыцарь, как то будет видно из дальнейшего и как о том упоминается в хрониках христианских королей.

В ту пору в городе Гранаде происходили великолепные празднества, турниры, состязания на копьях, игры в кольца и другие увеселения. А устраивались они по приказу Молодого короля, желавшего отпраздновать обретение им королевской короны, что, как уже было сказано, совершилось против воли отца.

Старый король жил в Альгамбре, а Молодой – в Альбайсине и Алькасабе. Здесь находились при нем те самые наиславнейшие рыцари Гранады, которые возложили на него корону: Абенсеррахи, Гомелы, Сегри и Масы. Все они принимали участие в пышных празднествах Молодого короля, и Муса, рыцарь прекрасный и веселый, был их украшением.

И в то время как давались эти празднества, отважный магистр ордена Калатравы³⁵, дон Родриго Тельес Хирон, со многими конными и пешими воинами вторгся в Долину Гранады, произвел несколько набегов и захватил кое-какую добычу. И всем этим еще неудовлетворенный, он пожелал узнать, есть ли в Гранаде рыцарь, готовый преломить с ним копья? И зная, что в Гранаде в то время происходили празднества в ознаменование избрания Молодого короля, он решил отправить своего оруженосца с письмом к королю. С посланием магистра оруженосец отправился в Гранаду и там узнал, что король вместе со многими своими рыцарями пребывает в Хенералифе, где и предается развлечениям. Прибыл оруженосец в Хенералифе, получив позволение войти и представ перед королем, приветствовал его с почтительностью, надлежа-

Абен-Алжатиба, автора арабской исторической хроники «Гата». Свое весьма спорное предположение Бланшар-Демонж основывала, в частности, на том, что хроника Абен-Алжатиба обрывается на 1489 г., а как раз последующие события Перес де Ита заимствует из испанской хроники Пульгара.

³⁵ *Орден Калатравы*. – Рыцарский орден, основанный в 1158 г. двумя монахами – Рамоном Фитеро и Диего Веласко, на вербовавшими войско для защиты отвоеванного у мавров в 1147 г. города Калатравы (на р. Гвадиана в Новой Кастилии) от вновь угрожавших городу мавров. Царствовавший в то время король Кастилии и Леона Санчо II узаконил привилегии ордена. Обеты рыцарей ордена те же, что и в ордене Сант-Яго (см. прим. 22 к гл. I). Парадное одеяние – белый плащ с алым крестом на левой стороне. Герб – равноконечный алый, изукрашенный на концах крест на серебряном поле. Изображенный в повести как образцовый рыцарь магистр ордена Калатравы дон Родриго Тельес Хирон – тот же персонаж, который выведен совсем юным, но показан во всей сложности его чувств и аспектов его деятельности в драме Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна». Там по подстрекательству буйного феодала и притеснителя крестьян, командора ордена дона Фернана Гомеса де Гусман, Тельес Хирон восстает против Фернандо и Исабеллы. Захватив и разграбив г. Сьюдад-Реаль, он открывает португальцам путь в Кастилию. Потерпев вместе со своим командором поражение, магистр дон Родриго собирается в отместку за убийство крестьянами командора ордена Калатравы стереть с лица земли Фуэнте Овехуна с ее жителями. Ведь момент, когда смелый крестьянин Фрондосо, защищая честь Лауренсии, направляет арбалет на крест Калатравы на груди командора, изображен в драме как символ крушения вековых устоев средневековья и так воспринимается Тельесом Хироном, командором и им подобными. Но у Лопе конкретный случай крестьянского восстания выступает как общезначимое выражение национальных интересов, и с ним как с реальной силой в борьбе против феодалов приходится, хоть и нехотя, считаться центральной власти и самим феодалам, вроде Тельеса Хирона, вынужденным в таких обстоятельствах уступать: Король – крестьянам тем оплот. Придется, видно, мне смириться... (III, 15, пер. А. Э. Ситовича); Повесть написана почти на двадцать лет раньше драмы (ок. 1612 – 1614 гг.), но Перес де Ита в образе Гельеса Хирона показал как бы результат того процесса, который Лопе де Вега позже раскрыл всесторонне и под углом зрения непосредственного воздействия народного движения на историю.

щей королевскому достоинству, и передал ему письмо магистра. Король взял письмо, прочел его вслух так, чтобы всем было слышно. И письмо гласило:

Могущественный властелин! Да наслаждается твое высочество короной, дарованной тебе за твою доблесть и для общего процветания! Я испытываю по этому поводу большую радость и, хотя у нас разные с тобой вера и законы, полагаюсь на бесконечную милость бога и высказываю надежду, что в конце концов ты и твой народ познаете святую веру Христову и возжелаете дружбы христиан. Но ныне, в пору твоих празднеств, которые велики, ибо велика их причина – твоя коронация, надлежит, чтобы рыцари твоего двора радовались и предавались удовольствиям, выказывая свою храбрость, молва о которой ходит по свету и всем известна. По этой причине я с моими людьми вступил в Долину Гранады и прошел через нее; и если бы кто-либо из твоих рыцарей пожелал для препровождения времени выехать в поле и сразиться с нами, будь то один на один, двое на двое или четверо против четверых, то в таком случае пусть твое высочество дарует им на это позволение. Я буду ожидать у Большого дуба, совсем близко от городских стен. И заверяю тебя, что из моих рыцарей выступит столько же, сколько выедет из Гранады на состязание. Кончаю, целую твои королевские руки.

Магистр Калатравы дон Родриго Тельес Хирон.

По прочтении письма король весело взглянул на своих рыцарей и заметил, что все они пришли в волнение и охвачены желанием выехать на бой и что каждый из них уже к этому готов. Увидев это, король приказал им успокоиться и спросил, следует ли отправляться на битву, предложенную магистром, и все ответили, что следует и что предложение-то очень хорошее. Ведь если они его не примут, то прослынут рыцарями малой доблести и трусами. И тогда начались большие споры: кому и скольким рыцарям следует выехать. Все были согласны, что не сегодня, но относительно того, кому выезжать, были большие разногласия. Оказалось необходимым, чтобы двенадцать рыцарей бросили между собой жребий, и тот, чье имя будет вытянуто первым из серебряного кувшина, тот и выступает против магистра. Имена участвовавших в жребии были следующие: Магома³⁶ Абенсеррах, Малик Алабес, Магома Альморади, Магома Венег, Магома Гомел, Магома Сегри, доблестный Муса, Магома Маса, Альбаяльд, Абенамар, Альмадан, храбрый Гасул.

И когда каждый из перечисленных рыцарей написал свое имя и жребии были положены в серебряный кувшин и хорошо перемешаны, королева, тут же присутствовавшая со своими дамами, опустила в кувшин руку, и жребий пал на Мусу. Кто сможет описать вам великую радость Мусы в то мгновение и огорчение всех остальных рыцарей! Ибо каждому хотелось, чтобы на него выпал жребий и он смог бы благодаря этому помериться мужеством и силами с магистром. И хотя после этого рыцари много толковали и спорили, говоря, что было бы лучше выступить четверым против четверых или шестерым против шестерых, но они уже не могли отнять у Мусы выпавшего ему жребия.

И тотчас король написал магистру письмо, которое передал его оруженосцу как ответ на им привезенное, после чего оруженосца отослали обратно. Тот возвратился к Большому дубу, где ждал его магистр, и вручил ему послание Молодого короля, гласившее следующее:

³⁶ В статье уже объяснялось, что имя Мухаммад, приводимое в повести в испанизированном виде и с некоторыми орфографическими и произносительными колебаниями, передается в переводе в двух формах: Магомет – если речь идет о пророке ислама; Магома – если речь идет о других лицах, носивших это имя.

Доблестный Магистр! Благородство твоей крови очень хорошо выказывает себя в твоём послании, и ничего другого, как добрых пожеланий и поздравлений по поводу принятия мною королевской короны, не мог я ожидать от твоего благородства. Оно заставляет меня пойти навстречу всему тому, чего бы от меня ни потребовала твоя истинная дружба. И посему предлагаю тебе все, чего бы ты только ни пожелал от меня и моего королевства.

Ты с очень убедительными доводами посылаешь моим рыцарям вызов на бой в Долине, добавляя, что поступаешь таким образом ради придания большого блеска моему празднеству, за что я тебя благодарю от всего сердца. Самые славные рыцари моего двора бросили между собой жребий, дабы судьба решила, кому из них выступать против тебя, ибо каждый из них того очень сильно желал. Жребий выпал Мусе, моему брату. Завтра – во славу Магомета – он один на один померяется с тобой силами, полагаясь на твое слово, что никто из твоих рыцарей его не тронет. Я хорошо знаю, что поединок между двумя столь славными рыцарями явит собою великое зрелище, на которое дамы будут смотреть с башен Альгамбры. На этом кончаю и остаюсь твоим другом.

Аудала, король Гранады.

Очень обрадован был магистр ответом короля и в тот же вечер отступил со своим войском далеко в глубь Долины, приказав, чтобы в течение всей ночи его люди были настороже, как бы мавры не совершили неожиданного нападения. Когда настало утро, он приблизился к городу, сопровождаемый всего лишь пятьюдесятью рыцарями, оставив все остальное войско далеко позади и приказав ему быть наготове и поспешить на помощь в том случае, если бы мавры вздумали нарушить свое слово. Здесь, под стенами города, он стал дожидаться, чтобы Муса выехал с ним сразиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ней рассказывается про поединок между храбрым Мусой и магистром Калатравы и про другие события

После того, как гонец магистра уехал с письмом и вызов был принят, мавританские рыцари и король предались беседе на разные темы, но главным образом они говорили о вызове благородного магистра. Королева и ее дамы, находившиеся там же, не особенно радовались этому вызову, ибо им уже были хорошо известны великие доблести магистра и что он очень искусно владеет оружием. Кого же особенно огорчил вызов, так это прекрасную и добродетельную Фатиму. Она полюбила Мусу очень сильной любовью, после того как разлюбила отважного Абиндараэса, убедившись, что тот любил прекрасную Харифу. Фатима отличалась большой красотой, происходила из рода Сегри и была дамой изрядного ума и примерной добродетели. Она очень была предана Мусе и всему, что его касалось, и иногда давала ему знать о своих чувствах взглядом сладостным и нежным. Но Муса был очень далек от взаимности, ибо всем своим сердцем любил прекрасную Дараху, дочь Амара Алахеса, очень знатного рыцаря. Ради прекрасной Дарахи Муса совершал великие и славные подвиги. Но Дараха его не любила, ибо всю свою любовь сосредоточила на Абенамаре, рыцаре из рода Абенсеррахов, человеке веселом, приветливом и великого мужества. Абенсеррах точно так же любил прекрасную Дараху и служил ей, как только мог.

Но вернемся к нашему Мусе. По наступлении вечера он приготовил все необходимое для предстоявшего поединка с благородным магистром. А прекрасная Фатима послала ему с одним из своих пажей небольшой шелковый стяг для его копья, наполовину лиловый, наполовину зеленый, весь вышитый чистым золотом и с разбросанными по нему многочисленными буквами «Ф», которыми открывала ему свое имя: Фатима. Паж обратился к Мусе с такими словами: «Благородный Муса! Фатима, моя госпожа, целует твои руки и просит тебя прикрепить этот стяг к своему копью. Ибо она будет очень счастлива, если ты с ним выедешь на битву». Муса взял стяг, сделал вид, что он очень доволен, так как он всегда был любезен с дамами, в действительности же он предпочел бы, чтобы этот стяг был ему прислан прекрасной Дарахой и никакой иной дамой в мире. Но, будучи столь же великодушен, сколь и храбр, он принял дар и сказал пажу: «Друг мой! Передай прекрасной Фатиме, что я принимаю как величайшую милость присланный ею стяг, хотя и знаю, что не обладаю такими достоинствами, чтобы заслужить подарок столь прекрасной дамы. И пусть поможет мне аллах в том, чтобы я смог служить ей. Передай, что я обещаю прикрепить стяг к моему копью и с ним выехать на бой. Ибо знаю, что с таким залогом, присланным мне такой прекрасной дамой, мне обеспечена верная победа».

С этим ушел паж и, возвратившись к Фатиме, передал ей весь свой разговор с храбрым Мусой; и немалой была радость Фатимы по этому поводу.

Утренняя заря не успела еще разгореться, как Муса был уже совершенно готов для выезда в поле. И, сообщив об этом королю, он поднялся и велел играть в трубы и аньяфилы, на звуки которых собралось множество самых лучших гранадских рыцарей, знавших уже о причине сбора. Король для этого дня оделся в очень нарядные одежды, какие соответствовали его королевской особе. На нем была надета марлота из золотой ткани, столь драгоценная, что не было ей цены, и украшенная столькими брильянтами и драгоценными камнями, что у очень немногих королей можно такие найти. Король приказал, чтобы двести рыцарей в полном вооружении сопровождали для верности его брата Мусу, к чему они очень быстро приготовились. Все были очень богато одеты, и даже не было коня, не покрытого шелком или парчой.

Но вернемся к делу. Еще солнечные лучи не заиграли по обширной и прекрасной Гранадской долине, как Молодой король в сопровождении всех своих рыцарей выехал из ворот, называемых воротами Бибальмасан. Рядом с ним ехал брат его Муса, а все остальные рыцари за ними следом. Что за удивление было смотреть на все разнообразие и пышность одежд и нарядов мавританских рыцарей! И те из них, которые ехали в доспехах, были не менее нарядны и великолепы. Так красивы были их белые продолговатые адарги и копыя со стягами, со столькими эмблемами и девизами на них, что можно было только восхищаться. Предводительствовал вооруженными рыцарями Магома Алабес, храбрый рыцарь, очень веселый и любезный, влюбленный в одну даму, по имени Коайда, чрезвычайно красивую. Адарга этого мавра была перехвачена шелковой лиловой лентой, а на ленте в виде эмблемы – золотая корона и девиз, гласивший: *«Моей крови»*, что указывало на происхождение его владельца от того самого смелого короля Альмоабеса, которого, как уже говорилось, убил инфант дон Санчо. Тот же девиз украшал и стяг мавра.

Так выехали две кавалькады из Гранады и направились туда, где ожидал доблестный магистр со своими пятьюдесятью рыцарями, не менее изрядными, чем их противники. При приближении короля зазвучали его трубы, и трубы магистра откликнулись им. И стоило полюбоваться как на один, так и на другой отряд. Они посмотрели друг на друга, после чего храбрый Муса, сгорающий от нетерпения сразиться с магистром, получив позволение от короля, своего брата, выехал вперед и шагом поехал, являя собой вид мужа великой силы. Он был одет очень тщательно; поверх одежды на нем была стальная кольчуга очень тонкой работы, а поверх еще панцирь, весь на подкладке из зеленого бархата, и, наконец, поверх всего – очень богатая марлота, тоже из зеленого бархата, обшитая золотом, с многочисленными золотыми арабскими буквами «Д», рассеянными по ней. Буквы эти носил на себе мавр потому, что с них начиналось имя Дарахи, которую он безмерно любил. Чалма его тоже была зеленой, украшенная золотыми перьями, и по ней точно так же были разбросаны буквы «Д». Была у него отличная адарга, сделанная в Фесе, перехваченная широкой зеленой полосой, и посередине ее находилась любовная эмблема – женская рука, сжимавшая сердце, и видно было, как из сердца течет кровь и складывается в слова: *«Заслуживает большего»*. Так прекрасен был в своем наряде Муса, что кто бы на него ни взглянул, испытывал при виде его великое наслаждение.

Магистр, заметив его, сразу догадался, что это и есть тот самый Муса, с кем ему предстоит сразиться. И он тотчас же приказал всем своим рыцарям, чтобы никто из них не вздумал поспешить ему на помощь, если бы даже и увидел его в опасности и нуждающимся в поддержке. И, дав шпоры коню, он поехал навстречу Мусе. И наряд его не уступал в блеске и великолепии наряду противника. Был магистр очень хорошо вооружен; поверх лат он имел на себе одежду из голубого бархата, богато вышитую и отороченную золотом. Щит у него был зеленого цвета с белым полем, а на нем – красивый красный крест и такой же крест был вышит у него на груди. Магистр ехал на отличном коне в серых яблоках. На копье магистра развевался белый стяг с красным крестом на нем, как на щите и на груди, а под крестом – девиз, гласивший: *«За него и моего короля»*. И так прекрасно выглядел магистр, что все при взгляде на него чувствовали огромную радость. И король сказал своей свите: «Недаром столь великой славой пользуется этот рыцарь, ибо по одному его виду можно догадаться о его храбрости и силе».

Тем временем оба рыцаря подъехали друг к другу и внимательно рассматривали один другого. Первым заговорил Муса: «Сразу видно, благородный рыцарь, что именно про вас идет по свету такая великая слава, и ваш король может почитать себя очень счастливым, имея своим подданным столь достойного рыцаря, как вы. И уже из-за одной этой славы о вашей храбрости, молва о которой идет по всему свету, я считаю великим для себя счастьем вступить с вами в бой, ибо – если аллах того захочет, а Магомет прикажет – я, одержав победу над столь храбрым рыцарем, стяжал бы вместе с тем и всю его славу, что было бы великой честью для меня и для всех моих. Если же, наоборот, мне суждено оказаться побежденным, то не будет для

меня большим огорчением понести поражение от руки столь славного рыцаря». На том Муса закончил свою речь. На его слова очень вежливо отвечал ему храбрый и могучий магистр: «Из письма, полученного мною вчера от вашего короля, мне известно, что вас зовут Мусой и идет о вас слава не меньшая, чем та, которой, как вы сказали, пользуюсь я; и что вы – королевский брат, потомок того самого отважного полководца Мусы, кто в давние времена завоевал большую часть нашей Испании. И поэтому я точно так же почитаю для себя за великую честь вступить в бой с рыцарем столь высокого рода. И раз каждый из нас желает стяжать себе честь и славу победы, то давайте начнем битву, вложив в десницу судьбы решение, и не станем больше медлить».

Услышав такие слова магистра, храбрый мавр очень устыдился, что он до сих пор так оттягивал битву. И не говоря более ни слова, он поспешно повернул своего великолепного коня, поправил на голове чалму, под которой находился шлем из лучшей стали, и отъехал на большое расстояние. То же самое сделал магистр.

Тем временем королева и все ее дамы уже расположились на башнях Альгамбры, чтобы созерцать оттуда поединок. Рядом с королевой находилась Фатима, богато одетая в зелено-лиловый дамас – цвета посланного ею Мусе стяга. И по всему платью у нее были рассеяны многочисленные буквы «М» по-гречески, ибо с этой буквы начиналось имя ее любимого Мусы.

Король, увидев, что противники уже отъехали друг от друга и только ожидают подачи знака для начала боя, приказал трубить в кларнеты и флейты; на их звук тотчас же откликнулись трубы магистра. Лишь только был подан сигнал, оба храбрых рыцаря устремили своих коней один на другого и несколько раз сшиблись друг с другом, но ни один не только не оказался выбитым из седла, но даже не сделал ни единого неудачного движения и не изменил своей посадки. Копья остались в целости, но адарга Мусы была пробита, и наконечник копья магистра ударил в тонкий панцирь, пробил его и остановился перед стальной кольчужой, не причинив никакого вреда. Ответный удар Мусы тоже пробил щит магистра; конец копья ударил в плотный нагрудник и пробил бы его насквозь, не будь он столь прочным, сделанным из превосходной дамасской стали. Рыцари очень легко выдернули обратно свои копья и с примерным искусством продолжали бой, крутясь на конях один вокруг другого и каждый стараясь ранить противника. Но конь магистра, хотя и очень хороший, не обладал той резвостью, какая была присуща коню, несшему на себе Мусу, и потому магистр не имел возможности наносить удары, как он того хотел бы, ибо Муса был неуловим и стремителен на своем коне. И так наскакивал и отскакивал Муса с удивительной легкостью и нанес магистру несколько ударов. А магистр, увидав, сколь подвижен и скор конь Мусы, и не зная, как ему поступить, решил положиться на крепость собственной руки и метнуть в противника копьё. Он дождался, чтобы Муса снова помчался на него, подобный молнии в своей стремительности, и при его приближении поднялся на стременах и с необыкновенным жаром и силой метнул в Мусу копьё. Увидев летящее на него копьё, Муса хотел избежать удара и для этого мгновенно повернул своего коня. Но все же не смог сделать этого настолько быстро, чтобы копьё магистра не успело настичь его и нанести его коню тяжелую рану в бок. Конь, почувствовав себя тяжело раненным, начал метаться и выделывать такие прыжки, что просто становилось страшно на него глядеть. Тогда Муса, чтобы не получить какого-нибудь вреда от своего же собственного коня, выпрыгнул из седла на землю и, преисполненный львиной отвагой, пошел на магистра с целью подрезать поджилки его коню. Магистр, увидя его приближение, сразу же догадался о его намерении и точно так же соскочил с коня, легкий будто птица. И, прикрывшись щитом, он обнажил свой меч и выступил навстречу Мусе, спешившему к нему в ярости и гневе за то, что тот так жестоко ранил его коня. Мавр осыпал магистра градом могучих ударов своей красивой симитарры³⁷, но магистр ловко отражал их все. Так, спешившись, продолжали оба рыцаря свой поединок,

³⁷ *Симитарра* – изогнутая турецкая сабля.

взаимно нанося удары, и от тех ударов раскололись уже на куски их щиты и погнулись латы. Но храбрый магистр превосходил Мусу в искусстве боя на мечях, хотя Муса и был отважен сердцем и неустрашим духом. Магистр захотел явить все свое умение: скрестив свой меч с симитаррой Мусы, он сделал вид, будто собирается поразить того в бедро, и для этого опустил свой меч ниже симитарры мавра. Муса поспешил опустить и свое оружие, чтобы защитить бедро. Но тогда магистр с такой невероятной скоростью взмахнул мечом и занес его над головой Мусы, что доблестный Муса не мог с необходимой поспешностью защититься от удара: меч магистра с такой сокрушительной силой обрушился ему на голову, что срезал половину зеленой чалмы, на землю упал золотой плюмаж, оставляя открытым шлем, и, не будь он из столь прочного металла, Мусе несдобровать бы. И тем не менее он едва не был оглушен ударом. Почувствовав себя в опасности, он с новой силой и быстротой бросился на магистра и нанес ему бешеный удар своей симитаррой: магистр принял его удар себе на щит, который, будучи расколот силою удара пополам, упал на землю; и так как разрубленным оказался рукав кольчуги, то магистр получил рану в руку, и из раны, хотя и небольшой, обильно полилась кровь. Эта рана явилась причиной ярого гнева магистра, который, решив за нее отомстить, направил свой удар в голову Мусы, но тот с поспешностью защитился и избежал раны. Магистр, увидев удар отраженным, стремительно нагнулся и нанес удар Мусе в бедро, и броня, прикрывавшая его, не смогла помешать острому мечу магистра коснуться тела.

Так рыцари бесстрашно и яростно продолжали свой бой, обмениваясь сокрушительными ударами. И если кто-нибудь взглянул бы в тот миг на прекрасную Фатиму, сразу заметил бы любовь, какую она чувствовала к Мусе. Ибо когда она увидела, как магистр нанес ему свой удар, разрубивший чалму и плюмаж, она решила, что Муса серьезно ранен. А когда увидела доброго коня Мусы, распростертого мертвым на земле, то не смогла этого перенести: вся побледнела, замерло ее любящее сердце, и от жестокой скорби она без чувств упала на землю к ногам королевы. Королева, удивленная этим событием, приказала побрызгать ей в лицо водой, и, освеженная водой, Фатима пришла в себя, раскрыла полные слез глаза, глубоко вздохнула и проговорила: «О Магомет! Почему ты не сжалишься надо мной?» – после чего лишилась чувств. Королева приказала отнести ее к ней в покои и подать ей какую-нибудь помощь. Харифа, Дараха и Коайда отнесли Фатиму в ее покои, сильно печальясь о случившемся с Фатимой, ибо она была чрезвычайно ими любима. В комнате ее раздели и уложили в постель и до тех пор приводили ее в себя, покуда сознание не возвратилось к прекрасной Фатиме, после чего она попросила Харифу и Дараху оставить ее одну и дать ей отдохнуть. Они исполнили ее просьбу и вернулись туда, откуда королева созерцала поединок Мусы и магистра, сделавшийся к тому времени еще более яростным и жестоким. Но уже было ясно видно, что преимущество на стороне магистра, искуснее Мусы владевшего оружием. Тем не менее Муса, обладавший великим мужеством и не ведавший, что такое страх, лишь удваивал свои удары и нанес магистру несколько жестоких ран, но магистр не оставался в долгу и даже еще лучше в этом преуспевал, как мы уже говорили.

Из раны в бедро у Мусы струей лилась кровь, от потери крови он уже начинал слабеть. Едва магистр это заметил, как, приняв во внимание, что этот мавр был братом самого короля Гранады и к тому же прекрасным рыцарем, подумал, что если обратить его в христианство, то можно будет получить от него некоторые выгоды в военных делах для короля дона Фернандо³⁸; он решил не продолжать дальше боя, а заключить со своим противником дружбу; и он тотчас же отступил назад и сказал: «Отважный Муса, мне кажется, что пора положить конец этой кровавой битве, и, если ты со мной согласен, то давай так и сделаем. К тому побуждает меня

³⁸ *Король дон Фернандо* – Фернандо II Арагонский, составивший, после брака с Изабеллой Кастильской, вместе с нею чету католических королей Кастилии и Арагона, королей всей Испании и ставший нумероваться по кастильски-леонскому счету Фернандо (Фердинандом) V (1479 – 1516)

то, что ты – столь доблестный рыцарь, брат короля и оказал мне большое уважение. И делаю тебе такое предложение не оттого, что чувствую себя ослабевшим или близким к поражению, но лишь потому, что желаю дружбы такого храброго рыцаря, как ты».

Муса при виде отступления магистра очень удивился и сам тоже отступил, а на речь магистра ответил следующими словами: «Мне очень понятно, доблестный магистр, что ты отступаешь и не хочешь кончать поединка лишь потому, что видишь меня в тяжелом положении, когда мне остается ждать от борьбы не победы, но только смерти, и ты, движимый состраданием к моей несчастной доле, желаешь даровать мне жизнь, и мне приходится признать, что ты оказываешь мне милость. Но я смею тебе сказать, что будь твоя воля закончить нашу битву, я со своей стороны не преминул бы сражаться до самой смерти и исполнил бы то, что приличествует истинному рыцарю. Но раз ты хочешь мира, как тобою было сказано, ради моей дружбы, то от всего сердца благодарю тебя и почитаю за величайшую честь, что подобный славный рыцарь хочет стать моим другом. И клятвенно обещаю тебе быть твоим до самой своей кончины и не выступать против тебя ни теперь и никогда в будущем, но во всем, в чем только смогу, служить тебе». И, проговоривши это, он выпустил из рук симитарру, подошел к магистру и обнял его, и магистр сделал то же самое. Он радовался, предчувствуя великое благо для христиан от дружбы этого мавра. Король и вся его свита, с тревогой следившая до сих пор за ходом единоборства, чрезвычайно удивились и не знали, что подумать; но, наконец, поняли, что был заключен мир, и тогда король в сопровождении всего-навсего шести рыцарей выехал к магистру и после обмена почтительными и дружественными приветствиями узнал от магистра о заключенной последним дружбе с его братом. По правде, он не особенно этому обрадовался и отдал приказ возвращаться в Гранаду, ибо тяжелые раны Мусы требовали немедленной помощи. И так расстались два доблестных рыцаря, унося каждый в своем сердце дружбу твердую и запечатленную. На том и закончился их поединок.

По возвращении в Гранаду между королем и его приближенными только и было речи, что о великодушии, храбрости, силе и обходительности магистра, и, говоря так, они были правы, ибо всеми названными качествами в полной мере обладал магистр. И про него сложен был знаменитый романс, гласивший:

Боже, что за смелый рыцарь
Магистр славный Калатравы!
Как в Гранадской он долине
Мавров гонит беспощадно!
Им от вод прозрачных Пино
До вершин грозит Невады,
И сумел врата Эльвиры
Распахнуть копыя ударом.
Те ворота – из железа,
Но пред ним раскрылись настезь.

А тем временем магистр, окончив поединок с могучим Мусой, покинул со своим войском пределы Гранадской долины. Оставим же его отдыхать у себя дома, куда он отправился, и скажем о событиях в городе Гранаде, случившихся там после того, как возвратился король и отправился от своих ран Муса, которые он залечивал больше месяца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ней рассказывается про бал, устроенный во дворце дамами королевы и рыцарями двора, на котором произошла серьезная ссора между Мусой и Сулемой Абенсеррахом; а также про то, что произошло дальше

Великую славу храброго рыцаря стяжал себе Муса, ибо не понес он поражения от магистра, как то было с другими отважными рыцарями, слывшими в Гранаде за искусных бойцов и погибших от его руки. Муса возвратился в Гранаду, сопровождаемый братом своим королем и цветом его рыцарства. Они въехали в город через ворота Эльвиры, и на всех улицах, по которым они проезжали, дамы выходили на них посмотреть, и множество народа смотрело из окон: все славили Мусу за его бой с магистром. Так они Достигли Альгамбры, где Мусу уложили в его покоях, и врач-мавр – великий знаток хирургического искусства – принялся за тщательное лечение. И Муса выздоравливал почти целый месяц. А выздоровев, явился во дворец поцеловать руки королю. Король, все рыцари И все дамы при дворе остались очень довольны появлением Мусы. Кто же обрадовался больше всех при виде его, так это прекрасная Фатима, которая очень его любила, невзирая на то, что он совсем не разделял ее чувства. Королева посадила его рядом с собой, спросила, как он себя чувствует и какого он мнения о силе магистра. Муса ответил: «Госпожа моя! Безмерна сила магистра, и, кроме того, он явил мне высокое великодушие, прекратив битву, когда увидел меня в большой и явной опасности. И, клянусь Магометом, буду служить ему, в чем только смогу». – «Да покарает его аллах! – возразила Фатима. – В какое смятение он поверг всех нас, в особенности меня, когда я увидела, как он одним ударом рассек вам чалму и весь плюмаж; вся кровь во мне застыла, дыхание замерло, и я полумертвая упала на землю.» Выговоривши эти слова, Фатима сильно зарделась, подобно алой розе, так что все увидели, что она любила отважного Мусу. А Муса отвечал: «Больно мне, что столь прекрасная дама впала из-за меня в такое состояние. Да поможет мне аллах заплатить за подобную высокую милость!» – и, говоря так, он устремил свои взоры на Дараху, страстно глядя на нее и взглядом открывая ей любовь, какую питал к ней в своем сердце. Но Дараха опустила глаза свои и не подала никакого ответного знака.

Наступил уже час трапезы, и король приказал подавать яства. И все знатнейшие рыцари Гранады были приглашены к столу, так как после обеда устраивались большое празднество и бал. Вместе с королем сели за стол следующие рыцари: четверо рыцарей Венегов, четверо Альморади, двое Аламаров, восемь Гомелов, шесть Алабесов, двенадцать Абенсеррахов, несколько Альдорадинов, Абенамар и Муса. Все перечисленные рыцари пользовались в Гранаде великим уважением, и за их доблесть король с удовольствием приглашал их к себе за стол. Так же сели за трапезу вместе с королевой прекрасные и знатные дамы. То были: Дараха, Фатима, Харифа, Коайда, Саида ³⁹, Саррасина, Альборайя. Все они принадлежали к лучшим родам Гранады: Дараха была из рода Алабесов, Фатима – из рода Сегри, Харифа – из рода Альморади, Альборайя – из рода Гомелов, Саррасина – из рода Саррасенов, Коайда – из рода Венегов. Среди прочих присутствовала там и красивая Галиана, дочь алькайда Альмерии, приехавшая на празднества. Она находилась в родстве с королевой. Все эти дамы отличались красотой и добродетельностью. В красивую Галиану был влюблен Абенамар, храбрый рыцарь; ради нее совершил он в битвах чудесные подвиги, и про них был составлен романс, в котором говорится:

³⁹ Такие имена, как Саида, по-русски обычно транскрибируются – Заида и т. п.

Абенмар, влюбленный рыцарь,
Дамы милой Галианы
Дожидался в альмерийских
Цветниках благоуханных.
На земле он, как альфомбру ⁴⁰,
Разложил свою адаргу,
Острием копьё стальное
Он воткнул глубоко в траву.
За поводия привязан,
Чтобы слишком он далеко
Не ушел от Абенмара.
А над рыцарем раскинул
Конь расседланный пасется,
Ветром с севера обветрен,
Солнца выжженный лучами, и т. д

Некоторые поют этот романс несколько иначе и относят его к Галиане Толедской ⁴¹, но это неверно, потому что Галиана Толедская жила за много времени до того, как появились на свет Абенамары, а тем более тот из них, о ком мы здесь ведем речь, и другой Абенамар, которого спрашивал король дон Хуан. Ибо в те времена Толедо принадлежало христианам, отсюда все становится ясным. Галиана Толедская жила во времена Карла Мартелла ⁴², была похищена им из Толедо и увезена в Марсель. Галиана же, о которой мы здесь повествуем, была из Альмерии, и именно про нее говорится в романсе, а не про другую. А этот Абенамар был потомком другого Абенамара, о ком мы уже рассказывали раньше. Но вернемся к нашей теме.

Король с рыцарями и королева с дамами с большим удовольствием вкушали трапезу под звуки различной музыки – флейт, арф, лютен, гобоев, игравших в королевской зале. Король и рыцари вели беседу о многих вещах, но главным образом о поединке магистра и Мусы, о чрезвычайной силе магистра и великой его обходительности. Такие речи вызывали большую досаду у присутствующего там мавра Альбаяльда: он очень остался недоволен тем, что бой не кончился, ибо ему думалось, сила магистра не была так велика, как про нее говорили, и что если бы ему пришлось против него сражаться, он довел бы битву до славного для мавров конца. И он решил, что в первый же раз, как магистр снова вторгнется в Долину, он с ним померяется силами и проверит, действительно ли его сила и отвага так же велики, как про них рассказывают.

Дамы за своей трапезой также беседовали о прошлой битве, о мужестве Мусы и его обаянии.

Муса не сводил глаз с Дарахи, в которую он был влюблен до последней крайности, и не видел ослепленный мавр, что она любит Сулему Абенсерраха, рыцаря красивого и смелого. Он был главным альгвасилом ⁴³ в Гранаде, а этой должностью облакались только люди, пользующиеся большим уважением и почетом, в большинстве случаев она не выходила из рук рода Абенсеррахов, как это можно видеть из хроники Эстебана Гарибая Самальоа – историка христианских королей Кастилии.

⁴⁰ *Альфомбра* (араб.) – циновка, вытканый пестрый ковер для пола, вообще ковер. В Европе, и прежде всего в Испании, выделывание альфомбр было введено маврами.

⁴¹ *Галиана Толедская* – подобные наименования знаменитых дам, распространенные в рыцарских романах, послужили прототипом для имени Дульсины Тобосской в «Дон Кихоте».

⁴² *Карл Мартелл* – франкский майордом, дед Карла Великого. В 732 г., победив арабов при Пуатье, предотвратил арабское завоевание Франции.

⁴³ *Главный альгвасил* – здесь начальник охраны.

Если Альбаяльд чувствовал сильнейшее желание испробовать силу магистра, – не меньшее испытывал и брат его Алиатар, считавший себя за храбреца, которому очень хотелось посмотреть, действительно ли доблесть и мощь магистра равны идущей о них славе. Отважный Муса больше не интересовался этими вопросами: он радовался своей дружбе с магистром. Сейчас же он больше всего смотрел на прекрасную Дараху и так отдавался созерцанию, что часто забывал про трапезу. Его брат король это заметил и понял, что Муса любит Дараху, чем очень сильно опечалился, так как и сам был тайно влюблен в нее. Он уже много раз открывал ей свое сердце, но Дараха оставалась глуха ко всем его признаниям, не желала их слушать, а еще меньше помочь королю в осуществлении его желаний. Также и Магома Сегри – рыцарь примерной доблести – взирал на Дараху; он знал о желании Мусы служить ей и тем не менее не отступал от своей надежды. Ко всему этому Дараха оставалась слепа, ибо взоры ее стремились к Сулеме – могущественному рыцарю из рода Абенсеррахов, человеку смелому и благосклонному.

Королева тем временем разговаривала со своими дамами о рыцарях, их качествах и, между прочим, о родах Абенсеррахов и Алабесов; эти роды связались многочисленными узами родства путем частых браков между собой.

По окончании трапезы начались между рыцарями и дамами танцы. Паж, посланный Мусой, подошел к Дарахе и, преклонив перед ней колени, подал ей букет красивых пышных цветов и сказал: «Прекрасная Дараха, мой господин Муса целует вам руки и просит принять этот букет, который он нарвал и составил собственными руками, дабы передать его в ваши. И он просит вас не обращать внимания на малую ценность подарка, но лишь на то чувство, с каким он вам подносится, и чтобы вы еще знали, что среди этих цветов скрыто его сердце, которое он тоже безоговорочно вручает в ваши руки».

Дараха взглянула на королеву, зарделась румянцем и не знала, как ей поступить: взять букет или нет? Но заметив, что королева все видела и не возражает, она взяла букет, дабы не оскорбить столь доблестного рыцаря и королевского брата, решив, что, принимая букет, она не бросит этим тени на свою добродетель и не нанесет обиды своему возлюбленному Абенсерраху, очень хорошо видевшему, как она взяла букет. Она взяла цветы и велела пажу передать его господину благодарность за подарок.

Кто в ту минуту посмотрел бы на Фатиму, сразу понял бы, как сильно она огорчена тем, что Муса послал букет, хотя и старается, насколько возможно, скрыть свое огорчение. Она подошла к Дарахе и сказала ей: «Теперь ясно, и вы не сможете отрицать, что Муса любит вас, раз он пред лицом всех дам и рыцарей послал вам букет; точно так же не сможете вы отрицать, что вы отвечаете на его любовь взаимностью, раз вы приняли его цветы».

Дараха, почти оскорбленная словами Фатимы, отвечала ей: «Друг мой, Фатима, не удивляйтесь тому, что я приняла пучок цветов; но, клянусь вам Магометом, будь на то моя воля, я не взяла бы его. Я поступила так, чтобы не заслужить осуждения пред лицом стольких рыцарей и дам. Иначе я разорвала бы его на тысячу частей».

На том и закончился разговор о цветах, так как король приказал дамам и кавалерам танцевать, что и было исполнено. Абенамар танцевал с Галианой чрезвычайно красиво, Малик Алабес – со своей дамой Коайдой, очень искусно, ибо был рыцарем, преуспевающим во всем; Абиндарраэс танцевал с прекрасной Харифой, а Венег – с прекрасной Фатимой; Альморади – отважный рыцарь, родственник короля – танцевал с Альборайей; рыцарь из рода Сегри – с чрезвычайно красивой Саррасиной, Сулема Абенсеррах – с прелестной Дарахой. И когда эта последняя пара заканчивала танец и кавалер откланивался, дама с красивым реверансом отдала ему букет, и славный Абенсеррах принял его, ошарашенный получением дара из ее рук.

Муса, не сводивший во время танцев глаз с госпожи своего сердца – Дарахи, увидев, как она отдала посланный им букет Абенсерраху, воспламенился ярым гневом и почти обезумел

от полученного оскорбления. Не соблюдая должного почтения по отношению к присутствовавшим в зале королю и его двору, он направился к Абенсерраhu с видом столь страшным, что казалось, будто глаза его мечут пламя, и громовым голосом крикнул ему: «Скажи мне, подлый и низкий негодяй, отпрыск христиан, жалкий выродок! Как ты смел, зная, что этот букет собран моими руками и что я послал его в подарок Дарахе, – как ты смел его взять, не посчитавшись с тем, что он мой?... Я полон желаний покарать тебя за неслыханную дерзость, и, если бы не мое уважение к присутствию короля, я проучил бы тебя тотчас же!»

Храбрый Абенсеррах при виде гнева Мусы и малого его уважения к их старинной дружбе вскипел гневом не меньше его и, точно так же утратив все приличия, ответил ему:

– Кто бы ни был осмелившийся меня назвать негодяем и выродком, он – тысячекратный лжец! Я – славный рыцарь, и знатен мой род. И после короля – моего властелина – нет здесь мне равного.

И, обменявшись такими речами, оба смелых рыцаря схватились за мечи и изрубили бы друг друга, если бы король с еще несколькими рыцарями с крайней поспешностью не бросился бы между ними. И король, очень разгневанный на Мусу, в котором он видел зачинщика ссоры, в суровых словах приказал ему немедленно отправиться в изгнание, прочь от двора, раз он питает к нему так мало уважения. На что Муса ответил, что он уйдет и что, может быть, в один прекрасный день, сражаясь против христиан, король ощутит отсутствие Мусы и скажет: «Ах, Муса, где ты!...» И с этими словами он повернулся спиной, чтобы уйти прочь из дворца. Но тут все рыцари и дамы удержали его, вернули, стали умолять короля отменить свое решение и не отсылать Мусу в изгнание. И настолько преуспели в своих просьбах рыцари, дамы, а вместе с ними и королева, что король простил Мусу и помирил его с Абенсеррахом. Впоследствии Муса очень сожалел о своем поступке, так как всегда был другом Абенсеррахов. Едва, однако, миновала эта распря, как вспыхнула новая, еще горячая. А причиной тому послужили слова одного из рыцарей Сегри, главы рода, сказанные им Абенсерраhu:

– Господин рыцарь! Король, мой повелитель, вину за ссору возложил на Мусу, своего брата, и не обратил внимания на сказанные вами слова, будто за исключением короля нету здесь рыцарей, равных вам, хотя вы и знали, что тут же во дворце присутствовали рыцари, не уступающие вам в своих достоинствах. И не пристало истинному рыцарю так далеко заходить в своих речах, как зашли вы. И если бы не нежелание начать распрю в королевском дворце, говорю вам, вы дорогой ценой заплатили бы за слова, сказанные в присутствии стольких честных рыцарей.

Тогда Малик Алабес, близкий родственник Абенсеррахов, рыцарь отважный, обладатель многочисленной родни в Гранаде, поднялся со своего места и ответил Сегри:

– Мне удивительно слышать одни только твои речи там, где столько славных рыцарей. И незачем начинать новую распрю и новую смуту. Сказанное Абенсеррахом было сказано правильно, ибо все рыцари Гранады хорошо известны, кто они и откуда родом. И не думайте вы, Сегри, что если вы происходите от королей Кордовы и в ваших жилах течет их кровь, то вы лучше или равны Абенсеррахам – потомкам королей Марокко и Феса, потомкам великого Мирамамолина; а Альморади – ведь ты знаешь – принадлежат к королевскому дому Гранады и тоже ведут свой род от королей Африки. И знаешь о нас, Маликах Алабесах, что мы происходим от ветви короля Альмоабеса, повелителя славного царства Куко, и являемся родственниками Малукам. Так где же все те, кого я назвал и кто теперь смолчал, в то время как ты хочешь возбудить новые страсти и раздоры, хотя и знаешь, что все, мною сказанное, – правда и что после короля, нашего господина, нет здесь рыцарей, равных по своему роду Абенсеррахам, а сказавший противное – солжет, и я не считаю его за благородного человека!

Едва Сегри, Гомелы и Масы – все принадлежавшие к одному роду – услышали сказанное Алабесом, как пришли в ярость и бросились на него, чтобы предать его смерти. Алабесы,

Абенсеррахи и Альморади, составлявшие другую партию, увидя их намерение, вскочили со своих мест, чтобы оказать им сопротивление и в свою очередь напасть на них.

Король при виде такой бури у себя во дворце, сознавая, что ему грозит потеря Гранады и всего королевства, вскочил тоже и громко закричал: «Кару изменника понесет тот, кто сделает хотя бы шаг или обнажит оружие!» И с этими словами схватил Алабеса и Сегри, громкими криками призвал своих телохранителей и дал приказ взять под стражу рыцарей Алабеса и Сегри.

Остальные рыцари остались на своих местах, чтобы не навлечь на себя обвинения в измене.

Алабеса отправили в заточение в Альгамбру, а Сегри – в Алые Башни. И держали их там под усиленной стражей. Остальные же гранадские рыцари приложили все старания для восстановления мира и, наконец, при помощи самого короля, восстановили его. Тогда арестованных рыцарей выпустили на свободу. А для ознаменования и укрепления мира было решено устроить большой праздник с турниром, боем быков и игрой на копьях. Так решили Муса и сам король, и лучше бы они этого не решали, как будет видно из дальнейшего рассказа.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О том, как были устроены празднества в Гранаде и как из-за них еще сильнее разгорелась вражда Сегри с Абенсеррахами, Алабесов с Гомелами; и о том, что произошло между мавром Саидом и мавританкой Сайдой, влюбленными друг в друга

Прежде чем описывать великолепный праздник, расскажем о доблестном Саиде, красивом и веселом мавре, и о прекрасной Саиде, в которую доблестный Саид так был влюблен, что в Гранаде ни о чем больше не говорили, как об их любви. Наконец отец и мать прекрасной Саиды решили выдать ее замуж за другого или хотя бы пустить об этом слух, чтобы Саид утратил свои надежды и перестал так часто прохаживаться у дверей их дома и чтобы имя прекрасной Саиды перестало бы повсюду упоминаться.

И, приняв такое решение, они стали очень бдительны в отношении Саиды, своей дочери, запретили ей подходить к окнам и вести разговоры с Саидом. Но мало помогли подобные меры, ибо любовь – такое свойство, что бессильны против нее все предосторожности. Не перестал Саид прохаживаться по ее улице, и не разлюбила его Саида, а лишь полюбила еще с большей страстью. Но вот прошел слух, пущенный родителями Саиды, о предстоящем ее браке с одним могущественным и богатым мавром из Ронды. И отважный Саид не мог успокоиться хотя бы на час ни днем, ни ночью; тысячи мыслей занимали его – как бы расстроить предполагаемый брак, как бы умертвить соперника. И, непрестанно прогуливаясь по улице дамы своего сердца, он стремился увидеться с ней и поговорить, чтобы узнать, каковы ее мысли и ее воля, ибо страшила благородного мавра мысль, что его Саида добровольно решится на подобный брак: ведь они уже порешили между собой стать мужем и женой. И с этим намерением он денно и ночью подстерегал ее выхода на балкон, как то бывало всегда раньше.

Прекрасная Саида со своей стороны сгорала от желания поговорить с ним и сообщить про решение своих родителей. И с таким намерением, выбрав благоприятное время, она вышла на балкон и увидела оттуда, как Саид ходил по улице совершенно один, без слуг, с лицом печальным и меланхоличным. Он поднял глаза к балкону, увидел прекрасную Саиду во всей ее красоте и прелести, и показалось ему, что он видит перед собой сияющее солнце. Приблизившись к балкону, он, дрожащим голосом, с такими словами обратился к своей Саиде:

– Скажи мне, прекрасная Саида, правду ли говорят в Гранаде, будто твой отец выдает тебя замуж? И если это правда, то так и скажи мне, не скрывай, не оставляй меня в неизвестности. И если это правда, аллахом клянусь, убью того мавра, кто осмелился пожелать тебя! Не владеть ему моей радостью!

Прекрасная Саида отвечала ему, с глазами полными слез:

– Мне кажется, Саид, что это правда, и отец выдает меня замуж. Утешься, и я поступлю также. Поищи другую мавританскую девушку, которой бы ты мог отдать свою любовь и которая оказалась бы ее достойной. А для нашей любви настал конец. Одному аллаху ведомо, сколько огорчений пришлось мне вытерпеть из-за тебя от моих родителей!...

– О, жестокая! – ответил ей мавр. – Так вот как ты держишь свое слово – принадлежать мне до конца своих дней!

– Уходи, Саид, мне нельзя больше с тобой говорить, ибо моя мать ищет меня, – сказала мавританка. – Смирись!

И, проговоривши эти слова, она со слезами покинула балкон, оставив благородного мавра во мраке, наедине с тысячью жестоких мыслей, не ведающего, что предпринять для смягчения своих мук. Наконец он направился домой – с ничуть не уменьшенной скорбью, но с принятым решением не переставать любить свою Саиду, покуда она не выйдет замуж.

О случившемся между Саидом и его возлюбленной сложили такой романс:

Ждет Саид нетерпеливый
Под окном любимой дамы,
На балкон она чтоб вышла,
С нетерпеньем ждет он часа.
И тревоги, и томленья
Полно с краем сердце мавра.
Тот огонь, что сердце мучит,
Взор желанный лишь погасит.
На балкон она выходит.
Солнце в бурю и ненастье,
Лунный свет ночной порою
Не несут такой отрады.
К ней Саид подходит, молвя:
– Да хранит тебя аллаха
Вечно благостная воля!
Правду ль слуги утверждают?
Говорят, что ты решила
Навсегда со мной расстаться
И за мавра-чужеземца
Хочешь скоро выйти замуж.
Если верны эти слухи.
Мне признайся, моя радость!
Не скрывай, что всем известно,
Не скрывай, что слуги знают.
И с печалью, со смиреньем
Говорит Саида мавру:
– Да, правдивы эти слухи.
Время нам пришло расстаться.
Я в тебе теряю, милый,
Жизни радость и усладу.
Небеса одни лишь видят.
Сколь тяжка моя утрата.
Знаешь, как тебя любила.
Как роднен пренебрегала,
Сколько ссор имела с нею.
Что ты был моей отрадой.
И теперь разлуке вечной
Нас отец мой обрекает,
За другого замуж выдаст.
Не велит с тобой встречаться.
Не печалься, мой любимый!
Ты найдешь другую даму.
Вы полюбите друг друга.

Ты достоин всех красавиц.
Поли смирения и гнева
Мавр ей тихо отвечает:
– Что ты так со мной поступишь,
От тебя, любовь, не ждал я.
Нет, не ждал, что так нарушишь
Клятвы все и обещастья.
Что меня так променяешь
На другого скоро мавра.
Вспомни, ты здесь на балконе
Говорила мне недавно:
Я твоя, о мой любимый.
Ты, Саид, мне жизнь и счастье!

Расставшись со своим Саидом, как вы сейчас про то слышали, прекрасная Саида вовсе не перестала любить его в глубине своего сердца, и благородный Саид любил ее по-прежнему. И хотя мавританка и простилась с ним, как мы описали, после того они еще множество раз встречались и говорили друг с другом, только тайком, чтобы об этом не узнали родители и родственники Саиды. Саид по-прежнему выказывал прекрасной мавританке свою любовь, но, дабы избежать неприятностей, уже перестал прогуливаться по ее улице, как прежде. И все же любовь их не осталась настолько тайной, чтобы не быть замеченной мавром Тарфом. другом Саида, в душе изнывавшим от смертельной зависти, потому что тайно он тоже был влюблен в прекрасную Саиду. Когда же он увидел, что Саида никак не может разлюбить своего Саида, он решил разорвать их союз, посеяв раздор между ними. Это его намерение стоило ему жизни, как будет видно из дальнейшего рассказа, ибо в подобных случаях обычно так и случается с теми, кто нарушает верность своим друзьям.

Теперь, прежде чем вернуться к празднеству, о котором шла речь раньше, сначала приведем еще один романс, сложенный в ответ на предыдущий, а затем расскажем о том, что произошло на празднике.

О, Саида, радость взора,
О, души моей отрада!
Мавританок всех красивей –
Ты их всех неблагодарней.
Из волос своих ткешь сети.
Что засады злой опасней,
И куешь ты рабства цепи
Силой дивной нежных взглядов.
Для чего, Саида, хочешь
Обречь меня терзаньям
И жестокою изменой
Поражаешь, как булатом?
Но боясь, что вдруг надежда
Облегчит мои страданья.
Ты спешишь меня уверить.
Что былому нет возврата.
Так ты платишь мне за верность.
Враг мой сладкий, враг желанный.
На любовь, что жжет мне сердце,

Твой ответ – неблагодарность.
Как поспешно улетели
Заверенья, обещанья,
Точно ты дала им крылья,
Что навеки их умчали.
Вспомни, вспомни, о Саида,
Ведь любви ответной знаки
Ты являла в дни былые.
Каждый раз, как мы встречались.
И еще, Саида, вспомни.
Что забыть совсем не властна:
Как ждала моих приходов,
Как ждала со мной свиданья.
Днем ли, ночью ль, в час условный
Ты всегда меня встречала –
У окна, коль солнце светит,
На балконе среди мрака.
Опоздаю ль, не приду ли –
Ты уж ревностью терзалась.
Почему ж теперь ты хочешь,
Чтоб я больше не являлся,
Чтоб не смел писать я писем,
Этих писем, что когда-то
Ты ждала нетерпеливо
И внимательно читала?
Где же нежность, где же милость,
Где слова обманной ласки?
Я, несчастный, им поверил,
Вероломным и коварным.
Ты верна своей природе,
Женщин создан так характер:
Не любить того, кто любит,
А того, кто забывает.
И когда бы льдом холодным
Ты была, Саида, даже
Поддержать его б хватило
В верном сердце пламень страсти.
Пусть меня ты разлюбила,
Но любовь моя не сдастся,
Ибо долго не сдастся
Тот, кто любит так, как надо.

Мы привели здесь этот романс потому, что он хорош, откликается на предыдущий и может служить украшением нашего повествования.

Вернемся теперь к нашему мавру Саиду – храброму Абенсерраху. В такое отчаяние повергло его все ему сказанное прекрасной Сайдой, что он содрогался при одной мысли о том, что родители Саиды хотят ее выдать замуж. Задумчивый и печальный, отягченный своей заботой ходил благородный мавр; много раз проходил он, как обычно, по улице своей милой, но она не показывалась в окне, как делала в прежние дни, хотя и была ему по-прежнему предана

всем сердцем, не показывалась же, чтобы не прогневить своих родителей, хотя и многое могла бы она высказать своему Саиду.

А Саид между тем менял свои одежды⁴⁴, облакаясь каждый раз в цвета, соответствовавшие владевшему им чувству. Иногда одевался он во все черное, а иногда в черное с серым; иногда – в лиловое с белым, чтобы показать, что он еще не потерял веры; а то – в коричневое, чтобы показать свои мучения; иногда – в синее, ибо синий цвет был символом бешеной ревности; а иногда – в зеленое, дабы свидетельствовать о своей надежде; иногда же – в желтое, чтобы заявить о своем недоверии. В день же, когда говорил с Саидой, он облекся в пурпур и белое – цвета радости и удовлетворения. Таким образом, всей Гранаде ясно были видны судьбы его любви.

Так, страдая, ходил по Гранаде благородный Саид; он исхудал и был близок к болезни. И ради утешения, полный любовного томления, он, избравши очень темную ночь, благоприятную для его намерения, оделся в лучшие одежды, взял дорогую лютню и отправился в полуночный час на улицу своей госпожи. Здесь он очень искусно заиграл на лютне и с чувством запел по-арабски такую песню:

Те слезы, что сердце жестокой
Старались тщетно смягчить, –
Их в море хочу я излить:
Ведь в море их были истоки.
В холодных суровых утесах
Я отклик нашел состраданья
Печали своей и рыданьям:
Покрыли их слезные росы.
Но слезы, что сердце жестокой
Старались тщетно смягчить, –
Их в море хочу я излить:
Ведь в море их были истоки.

Не без слез пел влюбленный Саид эту песню под аккомпанемент звучной лютни; время от времени он сопровождал свое пение страстными вздохами, чем только усиливал муку своей страсти. Но если глубоко страдал благородный мавр, – что он и выказывал, – то не меньше его страдала прекрасная Саида, которая, едва заслышав лютню и узнав в певце Саида – ибо уже не раз слышала его раньше, – тихо поднялась с постели и вышла на балкон, откуда безмолвно внимала песне и вздохам своего растроганного возлюбленного, к себе самому применявшего слова песни. Весь в слезах, оживлял Саид в своей памяти события, послужившие к сложению этой песни. А нужно знать, что впервые Саид увидел прекрасную Саиду в Альмерии в день святого Хуана⁴⁵; он тогда предводительствовал галерой, на которой совершал большие набеги и грабежи на море; и в утро святого Хуана он случайно пристал со своим судном к берегам Альмерии, в ту пору, когда там же находилась прекрасная Саида, приехавшая туда

⁴⁴ Мавры, которым коран воспрещал изображения человеческих лиц, обратились к изображению самых разнообразных комбинаций линий и красок, складывавшихся во всевозможные узоры, так называемые морески, арабески и т. д. Этим знакам нередко придавался скрытый смысл, и влюбленные кавалеры могли дать знать дамам о своей любви не признанием, но намеком или символом. Они выступали на турнире с инициалами избранницы, изображенными не по-арабски, а по-гречески. Важное место в системе этих символов занимали цвета. Меняя цвета своих одежд и гуляя в таком виде под окнам» Сайды, Саид выказывал ей свои чувства. Обычно черный цвет символизировал печали, зеленый – надежду, красным – любовь. Подобная символика была распространена в средние века и в Западной Европе.

⁴⁵ ...в *лень святого Хуана*... – т. е. в Иванов день, когда церковь празднует рождество предтечи Христа – Иоанна Крестителя, родившегося, согласно преданию, на полгода раньше, чем Иисус, – 24 июня. День этот, связанный со старыми языческими традициями, отмечался и за пределами христианского мира.

со своими родителями погостить у своих тамошних родственников. И так как нагруженная добычей, отнятой у христиан, галера подошла к берегу, и в знак торжества на ней развевалось множество флагов, стягов и вымпелов, – ее нарядный вид привлек на берег моря прекрасную Саиду, ее отца и некоторых их родственников – посмотреть на красивую галеру и ее начальника, который был им хорошо известен. Они взойшли на галеру, и отважный Саид их очень радушно принял; взор его приковался к прекрасной Саиде, и он подарил ей много драгоценностей и вместе с тем, раскрыв ей тайну своего сердца, получил от нее столь благосклонный ответ, что навеки запечатлел ее в своей душе. Мавританка осталась не менее плененной отважным мавром. Они условились, что если Саид приедет в Гранаду, она будет его любить и примет в свои рыцари; а заключив такое условие, он решил проститься с морем, оставить свою галеру одному из родственников и отправиться в Гранаду. А в Гранаде отважный мавр служил своей Саиде, как вы об этом уже слышали. Но, видя холодность родителей прекрасной мавританки и ее изменившееся к нему отношение, он был этим повергнут в большую печаль и, преисполненный любовной страсти, пропел в эту ночь песнь, которую вы слышали, воскрешая ею в памяти первую встречу со своей любимой.

Когда же прекрасная Саида услышала песню и почувствовала страдание, с которым она пелась ее возлюбленным, она не смогла подавить в себе того же чувства, каким был полон ее любимый. И не смогла удержаться, чтобы не окликнуть его, но очень тихо, так, чтобы никто, кроме него, не услышал. Мавр, счастливый, поспешил на зов своей дамы, а та обратилась к нему с такой речью:

– Все же, Саид, ты продолжаешь причинять мне страдания и огорчения? Не знаешь ты разве, что бесчестишь мое имя и что из-за тебя про меня говорит вся Гранада?... Из-за тебя держат меня родители взаперти, лишив обычной свободы. Уходи, уходи же прочь, покуда тебя не услышали мои родители, поклявшиеся, что, если они еще раз увидят или услышат тебя на нашей улице, они отошлют меня в Коин, в дом моего дяди, брата моего отца, что явилось бы для меня смертью. Не думай, мой Саид, будто я не люблю тебя, как самое себя. Предоставь времени совершать свой ход: оно, как лучший врач, все вылечит. Да хранит тебя аллах, ибо мне нельзя больше здесь медлить.

И, проговоривши эти слова, она, вся в слезах, ушла с балкона, оставив могучего мавра точно во мраке, ибо лишила его света. Погруженный в мрачные мысли, он отправился к себе домой, не ведая того, к какому концу придет его любовь, ни того, каким лекарством лечиться от нее...

Теперь возвратимся к прошлому балу и обещанному и затеянному празднеству. И лучше бы не устраивались эти празднества, как будет видно из дальнейших, происшедших на них, событий.

Так вот, на этом празднике присутствовал храбрый Саид, рыцарь из рода Абенсеррахов, влюбленный в прекрасную Саиду, столь прекрасную, что весьма немногие могли с ней сравниться. И она выказывала большую благосклонность к мавру Саиду как за его храбрость, так и за его красивую наружность и приветливость. Ибо во всей Гранаде не было рыцаря столь прекрасной наружности, столь искусного как в верховой езде, так и в пении, игре на музыкальных инструментах и в других вещах, в каких славятся мавританские рыцари. И кончилось тем, что чрезмерная любовь, испытываемая к нему Саидой, превратилась в жестокую ненависть, – вещь очень обычная для женщин, любительниц нового. А причиной тому послужило, что так сильно его любившая дама в один прекрасный день возложила ему на чалму пышную косу, сплетенную из своих собственных, подобных золотым нитям, волос, переплетя волосы нитями алого шелка и золота, отчего мавр Саид сделался самым гордым рыцарем на свете. Но когда не хвалишься полученным благом, кажется, что и не обладаешь им, а потому Саид рассказал про этот подарок своему хорошему другу Аудила Тарфу и показал ему чалму, увитую прекрасной

косой из волос его любимой дамы, и похвалялся выпавшей на его долю честью. Мавр Тарф, увидев, на какую высоту был вознесен его друг Саид, исполнился смертельной и ядовитой завистью и решил рассказать о хвастовстве Саида прекрасной Саиде; и однажды, беседуя с ней, он посоветовал ей хорошенько посмотреть, кого она любит; ему, Тарфу, хорошо известно, что ее сокровенные подарки показываются всякому, кто бы только ни пожелал на них взглянуть, будь он рыцарь или нет. Прекрасная Саида, узнав про такое обращение со своими подарками, опечалилась, разгневалась и решила отвергнуть Саида. Ей было известно, что Саид с большой настойчивостью расспрашивает слуг и служанок ее дома про то, что она делает, с кем разговаривает, кто ее навещает и в какие цвета она одевается. Она велела позвать его, и, когда он пришел, с обычной в таких случаях для него радостью, дама, с лицом, пылающим гневом, так сказала ему:

– Я буду, Саид, очень рада, если ты перестанешь ходить по моей улице, перестанешь разговаривать с моими слугами и рабами. Я не желаю, чтобы ты мне впредь служил, раз ты так мало скромен, что не можешь сохранить тайны. Мне известно, что ты показывал мавру Тарфу косу, сплетенную мною из собственных волос и тебе подаренную. И за мой подарок ты подвергнул мою честь такому унижению. Я знаю, что ты обходителен, храбр, знатен родом, красив, но твои уста и язык обесценивают все эти достоинства. Мне бы хотелось, чтобы ты родился немым: тогда бы я тебя обожала. Теперь же мне остается сказать тебе лишь одно: уходи в добрый час, и пусть прошлое станет по-настоящему прошлым: и не надейся еще когда-либо говорить со мной.

Проговоривши эти суровые слова, она со слезами ушла в свои покои, и не смогли удержать ее и успокоить уверения мавра, что его оклеветали; тогда Саид решил убить Тарфа. А про это событие сложили изящный романс, гласящий:

– Ты, Саид, меня послушай:
Ходишь здесь совсем напрасно,
И напрасны все расспросы
У моих рабынь-служанок.
Ни цветов моих любимых,
Ни моих желаний тайных,
Ни имен подруг веселых
Ты, неверный, не узнаешь.
До сих пор алеют щеки,
Только вспомню лишь нечаянно,
Что, к несчастью, полюбила
Недостойного я мавра.
Пусть мечом владеть ты можешь,
И душа твоя отважна,
И сразил христиан ты столько.
Сколько а жилах крови капель.
На коне искусно ездешь.
Ловок в пенье, лютне, танцах,
Вежлив, нежен и приветлив.
Как никто во всей Гранаде.
Род высок твой и достоин,
Ты лицом своим красавец,
Первый ты на шумном пире,
Первый ты на поле брани.
Велика моя потеря.

Коль с тобою я расстанусь...
Если б ты немым родился,
Век тебе была верна бы.
Но язык твой слишком длинен,
Он хранить не в силах тайны,
Потому с тобой проститься
Навсегда теперь должна я.
Ах, когда бы неприступный
В сердце был твоим алькасар ⁴⁶!
Ах, когда бы сторожили
На устах твоих алькайды!
Много может сделать рыцарь,
Вот как ты, угодный дамам,
Ибо дамы любят смелых,
Чьи сердца полны отваги.
Но, Саид, все дамы любят.
Чтоб счастливый их избранник
Сохранял ненарушимо
Милость их всегда в молчаньи.
Ты, пленить меня сумевший.
Если б мог ты точно так же
Сохранить, Саид, навеки
Нашу дружбу, наше счастье.
Но, едва из сада выйдя,
Стал ты хвастать перед Тарфом,
На любви своей погибель
Показал ему подарок.
Тарфу, жалкому убудку,
Показать решился сразу
Из волос моих ты косу –
Дар твоей любимой дамы.
Не прошу, чтоб ты хранил их.
Не прошу, чтоб мне отдал их,
Лишь пойми, что нам на горе
Получил, Саид, ты дар мой!
А еще, Саид, известно,
Как на бой ты вызвал Тарфа.
Для чего не сохранил он
Твой рассказ в глубокой тайне?...
Я смеюсь теперь невольно –
Мне смеяться не пристало:
Хочешь, чтоб другой был скромн
В том, что ты предал огласке!...
Этот вечер – наш последний.
Мне не нужно оправданий,
И запомни хорошенько:

⁴⁶ *Алькасар* (араб.) – крепость, центральное укрепление в городе, замок, кремль. Как и замок, могло употребляться в переносном значении – резиденция правителя.

Навсегда с тобой прощаюсь!
Так Саиду говорила
Мавританка на прощанье
И добавила с усмешкой:
– Кто виновен, тот и платит!

Этот романс сложили про событие, нами рассказанное выше, и он очень подходит к истории. Но вернемся к ней.

В такое отчаяние впал Саид от жестокого презрения своей дамы, что вышел от нее, почти утративши рассудок, и бросился на поиски Тарфа с намерением убить его. Он нашел Тарфа на площади Бибаррамбла распорядившимся подготовкой к предстоящим празднествам. Отозвав его в сторону, Саид спросил, зачем он без всякой к тому причины поссорил его с его возлюбленной, на что Тарф отвечал, что он в этом не повинен и ничего ей не говорил. Слово за слово, разгоралась их ссора, пошло в ход оружие, и Тарф получил в поединке тяжелую рану, с которой прожил только шесть дней. Но так как он был сторонником Сегри, то последние хотели в возмездие убить Саида, смело от них защищавшегося. На помощь Саиду пришли Абенсеррахи. И если бы Молодой король, в ту пору гулявший по площади Бибаррамбла, не поспешил на шум и стычку, – погибла бы в тот день Гранада, ибо Гомелы. Масы, Сегри и все их приверженцы вооружились, чтобы посчитаться с Абенсеррахами, Гасулами, Венегами и Алабесами. Но Молодому королю с помощью других высокородных рыцарей, не принадлежавших к враждебным сторонам, удалось потушить ссору, причем Саид был схвачен и отведен в Альгамбру. Было произведено расследование, и выяснилось, что виновником раздора был Тарф, и, дабы не подвергать пересудам доброе имя Саиды, король простил Саиду убийство Тарфа, поскольку последний был виновником всего, и велел обвенчать Саида с Саидой. Этим остались очень недовольны Сегри. Все эти события не смогли, однако, прервать празднеств, которые король, велел продолжать, ни на что невзирая. И. не стало дело за поэтом, написавшим о рассказанных здесь событиях романс, явившийся как бы ответом на предыдущий:

– Гонишь прочь меня, Саида,
Клевету признав за правду.
Ах, зачем коварным веришь
Ты рабыням и Атарфу⁴⁷!
Под окном твоим томиться,
Вопрошать твоих служанок –
Вот одно лишь утешенье
Для меня теперь осталось.
С щек твоих румянец гнева
Пропадет, едва лишь взглянешь.
Как потоком слез бесплодных
Орошаю эти камни.
Говоришь, я недостойным
Оказался, низким мавром,
Но Саиды я добился
И любви ответной также.
Здесь сама среди достоинств
Ты мою признала храбрость.

⁴⁷ *Атарф* – произносительный вариант имени арабского происхождения Тарф (Тарфе), допустимый в испанских стихах (ср. выше: Абенамар – Абенмар).

Но какая в ней мне польза,
Коль от лжи не защищает?
Злой судьбе теперь угодно,
Чтобы я тебе наскучил,
Ты стремишься всей душою
Навсегда со мной расстаться,
Я забыл про то, что женщин
Новизна одна прельщает.
Я спешил, исполнен муки,
Утешенья дожидаясь,
И к тебе явился с сердцем,
Переполненным страданьем.
Ты, жестокая, последним
Здесь разишь меня ударом.
Драгоценней всех сокровищ
Ты, Саида, мне осталась.
Верен был и верен буду
Вопреки твоим проклятьям.
Говоришь, меня любила б,
Если б я хранил молчанье,
Замолчу, когда ты хочешь,
Заглушу свои стенанья.
Горше смерти мне немилость
Госпожи моей желанной.
Чтоб сразить меня вернее,
Отвергаешь оправданья.
Преисполнена мучений.
Грудь моя темницей стала,
На устах умолкли речи,
И алькайдов им не надо.
Откровенная беседа
Благородных не пятнает.
Но позорно было б милой
Всем показывать подарки.
Мной сердце союз погублен,
Говоришь мне, упрекая;
Нет, Саида, я был верен
И хранил его исправно.
Клевете и лжи ты веришь
Мавра низкого Атарфа.
Если пса еще увижу,
Пусть не ждет себе пощады.
Этот выродок презренный,
Дар Саиды увидавший,
Не внимал моим секретам,
Не причастен сладкой тайне.
Он за ложь заплатит жизнью,
Кровью низкой будет надпись;
Напишу слова Саиды:

– Кто виновен, тот и платит!

Такова история отважного мавра Саида Абенсерраха. Про нее сложили эти два романа, на мой взгляд, хорошие. Они дают понять, что никогда не нужно никого сорить, ибо ссорящего постигнет участь сплетника Тарфа, погибшего от руки своего друга Саида.

В конце концов из-за этого события, а также из-за слов, сказанных на балу Маликой Алабесом и Сулемой Абенсеррахом, все Сегри, Гомелы, Масы и их сторонники были раздражены и решили отомстить, как то будет видно дальше из нашего рассказа. И они были правы, ибо великими притязаниями и надменностью отличались Абенсеррахи. Однако временно был заключен мир, и рассерженные Сегри не возвращались к словам Малика Алабеса и Абенсерраха, хотя в сердцах своих и затаили вечную и непримиримую вражду. Они ничем не выказывали ее Абенсеррахам и Алабесам, делая вид, будто позабыли о прошлой обиде; на самом же деле весь род Сегри задумал месть, как будет видно дальше.

В один прекрасный день все Сегри собрались в замке Бильбатаубин – жилище Магомы Сегри, своего главы и родоначальника. Здесь они вспоминали прошедшие события и слова Алабеса, а также говорили про ожидавшиеся празднества с турнирами, шуточным сражением и игрой в копья. И Магома Сегри с такими словами обратился ко всем собравшимся у него сородичам:

– Вам очень хорошо известно, славные рыцари, что род наш древен, ведет свое начало от королей и известен не только во всей Испании, но и в Африке, где также есть его представители; вы хорошо знаете, каким уважением всегда он пользовался в Кордове и повсюду. Всегда слыли мы за рыцарей высокой королевской крови, а ныне, как видите, мы унижены и оскорблены Алабесами и Абенсеррахами. И еще обратились против нас Альморади. Все это повергает меня в великую скорбь, сердце разрывается в груди, и, думаю, умру от страдания, если не отомщу им. И поскольку всех нас коснулось оскорбление, все мы обязаны отомстить за него. Судьба дает нам прекрасный случай для мести, мы не должны его упускать, а использовать вполне. И случай этот – турнир и игра в копья; мы славно отомстим, если уьем в игре Малика Алабеса и надменного Абенсерраха. Убравши из мира этих двух, мы будем иметь двумя смертельными врагами меньше, а в дальнейшем время подкажет и предоставит нам новый случай разделаться со всем коварным родом Абенсеррахов, столь уважаемым и любимым чернью в Гранаде и в целом королевстве. Потому будем готовы: в день игры в копья явимся все тщательно вооруженными, с крепкими панцирями под нашими одеждами. Король назначил меня начальником одной из квадрилий⁴⁸; мы выедем – тридцать Сегри, – все одетые в алые одежды, с синими перьями на шлемах – спокон веков цвета Абенсеррахов, чтобы огорчить их уже одним этим и возбудить в них желание с нами сразиться. И если нам хорошо удастся задуманное начало, мы исполним все дело с быстротой и мужеством, – ведь мы не менее отважны, чем Абенсеррахи; а когда они разберут, в чем дело, поздно им будет уже поправлять совершившееся. И нам незачем сомневаться в успехе; одного или двух из них мы уьем. Масы и Гомелы на нашей стороне, – нечего страшиться. Но если бы случилось, что не рассердят их цвета в игре в копья, тогда во втором круге мы нападём на них с острыми копьями, и трудно допустить, чтобы после этого не пал кто-нибудь из Абенсеррахов. Вот мое мнение. Теперь мне хотелось бы узнать, насколько с ним сходятся мнения других.

Тут Магома замолк, и все в один голос ответили, что согласны с ним. И, договорившись об этом способе предательской мести, они разошлись по своим домам.

⁴⁸ *Квадрильи* – так в Испании назывались группы, на которые разделялись участники публичного состязания, праздника; на современный лад – «команды».

А тем временем Муса и рыцари Абенсеррахи готовили к турниру свою квадрилью. Король назначил брата своего Мусу начальником той самой квадрильи, в которой находился добрый Малик Алабес, о ком шла речь выше. Они решили одеться в одежды из голубого дамаса на Подкладке из серебристого шелка, украсить свои шлемы голубыми, белыми и желтыми перьями, прикрепить к копьям белые и голубые, обшитые золотом, стяги. Дикие люди были изображены на щитах у них у всех, за исключением Малика Алабеса, имевшего своей эмблемой золотую корону на лиловой ленте с девизом: *«Моей крови»*, как мы уже рассказывали. У Мусы была та же эмблема, что в день поединка с магистром: сердце, зажатое в женской руке и исходящее кровью, складывающейся в слова: *«Почитаю блаженством мое страдание»*. У каждого из остальных рыцарей Абенсеррахов было по особой эмблеме и по особому девизу. Но ленты с особыми эмблемами так были размещены на щитах, чтобы не закрыть их общего герба – диких людей.

Квадрилья Мусы решила выступить на турнире верхом на белых кобылах с хвостами, подвязанными шелковыми бантами голубого цвета с золотой каймой.

Настал день праздника; это было в сентябре месяце, когда мавры по окончании своего поста справляют рамазан. Король приказал привести из Сьерры-Ронды двадцать четыре чрезвычайно свирепых быка. Площадь Бибаррамблы убрали и разукрасили к празднику. Король вместе со множеством рыцарей взошел на нарочно для него приготовленный балкон. На другой балкон взошла королева со своими дамами. Все окна домов, выходящих на площадь Бибаррамблу, переполнились прекрасными дамами. Столько народа собралось со всего королевства на праздник, что не оставалось свободным ни одного окна, ни одного помоста. Ни разу еще никакой праздник не собирал в Гранаду столько народу. На этот раз съехалось много знатных мавританских рыцарей из Севильи и Толедо.

Праздник начался с утра боем быков. Рыцари Абенсеррахи скакали на конях по площади с отвагой и мужеством, повергавшими всех зрителей в изумление, сражали быков. И на балконах, и в окнах не осталось ни одной дамы, которая не восхищалась бы рыцарями Абенсеррахами. Всем было известно, что не имелось в Гранаде и во всем Гранадском королевстве Абенсерраха, который не пользовался бы благосклонностью со стороны самых знатных дам; это обстоятельство и послужило главной причиной смертельной ненависти и зависти, испытываемой к ним Сегри, Гомелами и Масами. И, правда, не было в Гранаде дамы, которая отказалась бы иметь возлюбленным Абенсерраха, а не имея его, не мнила бы себя несчастной. И в этом она была права, ибо не существовало некрасивых и немужественных Абенсеррахов. Кроме того, их род отличался всегда великодушием и сочувствием к простому люду. Не было случая, чтобы какой-либо простолюдин, обратившийся к Абенсеррахам по необходимости, не получал от них помощи. Наконец они были друзьями христиан: сами посещали в подземных темницах христианских пленников или посылали им со своими слугами пищу. За доброту, великодушие, мужество, ратное и конное искусство любило и чтило их все королевство. Никогда еще при самых тяжелых обстоятельствах не выказали они страха. И теперь, на празднике, они доставили столько удовольствия своим появлением, что ни дамы, ни рыцари, ни простой народ не сводили с них глаз.

Не меньше их отличились в тот день Алабесы – отважные рыцари. Хорошо доказали себя и Сегри, заколовшие в тот день восемь быков, причем настолько искусно, что этим быкам, весьма свирепым, не пришлось даже перерезать поджилки. К часу дня двенадцать быков из двадцати четырех было уже убито, и король приказал трубить в трубы и флейты, что служило для рыцарей – участников игры – сигналом собраться к королевскому балкону. Все собрались по призыву, и король приказал угостить их обильной трапезой. Королева со своими дамами делала то же самое. И королева, и все ее дамы облеклись в самые пышные наряды. Королева оделась в парчовую марлоту, причем отделке ее не было цены, ибо вся она состояла из брильянтов и драгоценных камней. У королевы была замечательная прическа, а спереди при-

креплена была алая роза, чудесно сделанная, с рубином-карбункулом посередине, стоившим целый город. И всякий раз, как королева поворачивала голову, таким блеском сверкал карбункул, что каждый, на него взглянувший, оказывался ослепленным.

Прекрасная Дараха вышла одетая во все голубое: марлота ее была сшита из очень дорогого дамаса на подкладке серебристого шелка и вся перехвачена золотыми лентами. В ее красивой прическе было воткнуто два пера, голубое и белое – цвета Абенсеррахов. И так была она хороша в этом одеянии, что ни одна гранадская дама не могла сравниться с ней по красоте, хотя там и находилось много прекрасных и нарядных дам.

Галиана Альмерийская оделась для этого дня в белый дамас с очень богатой отделкой. Подкладка ее марлоты была из лиловой парчи. Белый цвет ее одежды указывал, что обладательница его свободна от любовной страсти. Хотя она и знала, что ее очень любит отважный Абенамар, но выказывала свою благосклонность Мусе. В тот день Абенамар в играх не участвовал.

Фатима оделась в лиловое. Не захотела она одеться в цвета Мусы, так как знала уже про любовь его к Дарахе. Платье Фатимы было очень дорогое; было оно сшито из темно-лилового бархата на подкладке из белой парчи. В дорогом ее головном уборе было всего лишь одно зеленое перо. И она была прекрасна. Наконец Коайда, Саррасина, Альборайя, Харифа и остальные состоявшие при королеве дамы – все точно так же облеклись в чудесные наряды и настолько были красивы, что в восхищение повергало собрание стольких красавиц вместе. На другом балконе находились все дамы из рода Абенсеррахов, и краса их и наряды не оставляли желать ничего лучшего. Особенно была прекрасна Линдараха, дочь Магомы Абенсерраха. В эту прекраснейшую даму Линдараху был влюблен отважный Гасул, и ради нее он совершил в бытность свою в Санлукаре великие подвиги, про что будет рассказано дальше.

Теперь возвратимся к нашей теме. Было уже два часа пополудни, когда рыцари и дамы окончили свой обед и когда на площадь выпустили черного быка, в высшей степени свирепого; нападая на человека, этот бык всякий раз запарывал его рогами – таково было его проворство, и ни один конь не мог от него умчаться – так он был скор.

– Стоило бы, – сказал король, – заколоть этого быка: очень он уж хорош.

Тут поднялся Малик Алабес и попросил у короля позволения выступить против могучего быка. Король ему позволил. Хотя Мусе тоже очень хотелось заколоть этого быка, но он, видя сильное желание Алабеса, смирил свое.

Алабес, откланявшись королю и придворным рыцарям, спустился с балкона и вышел на площадь. Здесь его слуги держали наготове красивого, в серых яблоках, коня. Этого коня прислал Алабесу в подарок его двоюродный брат, сын алькайда Велеса Алого и Белого, человек очень состоятельный. Отца этого алькайда предательски убили мавританские рыцари Алькифаи из зависти к его добродетели и к той любви, которую выказывал ему король. Но король хорошо отомстил за его убийство: из семи братьев-убийц ни один не ушел от секиры палача. А добрый алькайд Алабес, о ком здесь идет речь, получил алькайдию в Велесе Белом и всегда пользовался благосклонностью и любовью короля Аудалы, которого мы здесь называем Молодым королем. Так вот, от этого алькайда и был прислан конь, вскочив на которого Алабес сделал круг по площади, глядя на балконы и отыскивая глазами свою даму Коайду. И, нашедши ее, он заставил коня опуститься перед ее балконом на колени, сам же склонил голову до самой седельной луки, приветствуя свою даму. Затем он дал коню шпоры, и конь помчался, словно молния. Король и зрители восхитились ловкостью Алабеса; одним лишь Сегри не нравилось все это, так как они смотрели на него глазами, полными смертельной зависти.

В это время на площади раздались громкие крики; причиной их было то, что бык, промчавшись через всю площадь, опрокинул в своем беге свыше ста человек, причем шестерых из них забодал насмерть, и мчался, как орел, на Алабеса. Едва завидев его, Алабес легко соскочил с коня и, желая показать в этот день великую ловкость, пеший двинулся навстречу быку

с плащом в левой руке. Бык бросился на него, чтобы забодать, но храбрый Алабес, положившись на мужество своего сердца, ждал его. И в ту минуту, когда бык опустил голову, чтобы боднуть его рогами, Алабес метнул ему в глаза левой рукой плащ и, отклонившись немного в сторону, правой рукой крепко ухватился за его правый рог, а затем с большой быстротой схватил другой рукой и левый рог и так крепко держал их, что бык не мог его ударить. Схваченный бык пытался высвободиться, выделывая дикие прыжки, поднимая каждый раз при этом Алабеса с земли. Храбрый мавр попал явно в немалую опасность и почти раскаивался в том, что начал эту сомнительную и рискованную затею. Но, будучи отважным и смелым, он не упал духом, а с удвоенной силой и отвагой боролся с быком, как подобало сыну доблестного алькайда Веры, павшего в Лорке в кровопролитной битве при Альпорчонах, как мы про то рассказывали в начале нашего повествования. Бык ревел и все старался поймать его на рога, но благодаря искусству мавра никак ему не удавалось осуществить свое намерение. Алабесу показалось неправильным бороться таким способом с разъяренным животным: он уперся быку в левый бок и, пустив в ход всю свою силу и ловкость, так повернул ему рога, что тот упал, и рога его воткнулись в землю. Удар от падения был так велик, что показалось, будто рухнула гора, и бык не был в состоянии подняться. Видя это, добрый Малик Алабес оставил его в покое, взял свой плащ из прекрасного шелка, вернулся к коню, которого держали его слуги и, не ставя ногу в стремя, легко вскочил в седло. Все присутствующие были восхищены его мужеством и силой. Спустя некоторое время бык поднялся на ноги, но весь его пыл исчез. Король велел позвать к себе Алабеса, который пришел на зов со скромным видом, словно он ничего и не совершил. Король же сказал ему:

– Поистине, Алабес, ты выказал себя смелым и стойким рыцарем. За это назначаю тебя начальником над сотней всадников, и будь алькайдом крепости Кантории; это хорошая и доходная алькайдия.

Алабес поцеловал королю руку за оказанную милость.

Между тем уже было четыре часа пополудни, и король повелел трубить к посадке на коней. Услышав сигнал, все рыцари – участники игры – поспешно стали приготавливаться к выезду.

Бой быков кончился, площадь опустела.

Но вот зазвучала музыка труб, атабалов⁴⁹, аньяфилов, и с улицы Сакатин выехал на площадь благородный Муса во главе своей кавальерии. Они ехали по четыре в ряд и с таким красивым видом и ловкостью, что можно было на них залюбоваться. Проехав в названном порядке, они затем смешались в одну толпу, легкие словно ветер. Тридцать рыцарей было в этой кавальерии, все славные рыцари Абенсеррахи, один только Алабес среди них происходил из другого рода, но они приняли его в свой отряд за его доблесть. Выше мы уже рассказали про их одежды и девизы. И так они были хороши, что не осталось ни одной дамы, не уязвленной любовью. И, правда, было на кого посмотреть в этой кавальерии Абенсеррахов, выехавших на кобылах, белых как снег.

И если прекрасны были Абенсеррахи, не менее нарядными и красивыми выступили Сегри, одетые в алое и зеленое, с голубым оперением шлемов, все на гнедых конях, и у каждого на щите находилась одна и та же эмблема: на голубой ленте закованный в цепи лев и девичья рука, держащая конец цепи. Девиз гласил: «*Высшая сила – любовь*». Они выехали на площадь по четыре в ряд, все вместе проделали изящную круговую фигуру, произвели шуточный бой, и настолько искусно, что понравились не меньше Абенсеррахов.

Но вот обе кавальерии заняли свои места, взяли за легкие копыта, оставив тяжелые, и под звуки труб и гобоев начали с большим блеском игру, выступив восемь на восемь. Абенсеррахи, сразу заметившие голубые перья Сегри – известное отличие самих Абенсеррахов, –

⁴⁹ Атабал – разновидность тамбурина.

пытались, насколько могли, сбить их копьями, но Сегри настолько тщательно прикрывались своими щитами, что Абенсеррахам не удавалось исполнить свое намерение; игра протекала горячо и бурно, однако по всем правилам, так что смотреть на нее было одно удовольствие.

Праздник окончился бы очень мирно, если бы это оказалось угодным судьбе; но судьба коварна, и ей было угодно, чтобы взаимная вечная вражда родов Абенсеррахов и Сегри довела до гибели обе враждующие стороны, как мы про то расскажем в дальнейшем. Вражда особенно обострилась с этого несчастного празднества, и причиной всему злу явился Магома Сегри – глава рода Сегри, заранее замысливший со своими убить доблестного Алабеса за сказанные им слова или еще кого-нибудь из Абенсеррахов. И, как это было заранее условлено, Магома Сегри дал сигнал вызвать с противной стороны Алабеса и напасть на него и на его отряд. И, сломив уже шесть копий, Сегри сказал своим сторонникам: «Пора теперь игре разгореться». И, взяв из рук слуги копье с очень острым наконечником из тонкой дамасской стали, он дождался, пока Алабес и восемь рыцарей его квалдрильи по всем правилам игры вступят в бой со своими противниками; и в то время, как Алабес, хорошо закрывшись щитом, устремился на его отряд, Сегри выехал к нему навстречу и, хорошенько прицелившись в место, куда, как ему казалось, всего легче было его ранить, с такой силой метнул в него копье, что пробил насквозь щит, пробил рукав крепкой кольчуги, и острое глубоко вонзилось в руку. Алабес ощутил жестокую боль от удара, вернулся на свое место, осмотрел руку и, увидав, что она ранена и залита кровью, закричал Мусе и Абенсеррахам: «Рыцари! Чудовищное предательство совершили Сегри. Видите, я изменнически ранен!»

Абенсеррахи, пораженные этим случаем, тотчас же взялись за копья, дабы быть наготове.

Между тем Сегри и его квалдрилья возвращались на свое место, когда разъяренный Алабес помчался им навстречу. И поскольку кобылица его была очень быстрой, он в одно мгновение настиг их и ударил копьем его ранившего со словами: «Предатель! Ты здесь, на месте, заплатишь за нанесенную мне рану!» Копье пробило щит, пробило кольчугу и остановилось, лишь вонзившись на целую пядь в тело. Удар был настолько силен, что Сегри тотчас упал полумертвый со своего коня. Тогда обе стороны, увидевшие, что дело приняло серьезный оборот, вступили между собой в ожесточенную и кровопролитную битву. Перевес склонялся на сторону Сегри, так как они выступили более подготовленными, чем Абенсеррахи. Невзирая на это, отважные рыцари Абенсеррахи, Муса и храбрый Алабес наносили им существенный урон. Раздавались громкие крики, и возникло великое смятение. Король, увидевший кровопролитный бой и не знавший причины его возникновения, поспешно сошел с балкона, сел на красивую и хорошо разукрашенную кобылицу и, примчавшись на площадь, бросился между сражавшимися, разгоряченными боем рыцарями, размахивая своим жезлом и громко восклицая: «Прочь! Прочь!» Королю помогали восстанавливать мир не участвовавшие в расправе знатные рыцари Гранады. Но на помощь Сегри подоспели Гомелы и Масы, а Абенсеррахам – Альморади и Венегы. Бой кипел ожесточенно, и не было средства остановить его. И тем не менее королю и рыцарям, не принадлежавшим к враждующим сторонам, удалось восстановить порядок. Доблестный Муса с Альморади и Венегами поднялся вверх по Сакатину, не останавливаясь до самой Альгамбры. Сегри отправились через ворота Бибаррамблы в замок Бильбатаубин, увозя с собой Магому Сегри, уже мертвого.

Все дамы и королева при виде резни и смятения с плачем отошли от окон: одни оплакивали братьев, другие – мужей, третьи – отцов, четвертые – возлюбленных, так что страшно и жалко было смотреть и слушать этих стонавших дам. Особенно предавалась горю прекрасная Фатима – дочь Магомы Сегри, убитого Алабесом. Ее всячески утешали, но плохо удавалось это, ибо не было для нее утешения.

Вот какой печальный конец имел этот праздник, повергший в великое смятение Гранаду. Про него сложили романс:

Разойдитесь, расступитесь,
Путь широкий дайте Мусе,
Кто в главе своей квадрильи
Едет в копыа состязаться.
Тридцать рыцарей могучих
Вместе с ним Абенсеррахов,
Все одеты в голубые
И серебряные платья.
Буквы золотом и ленты
Покрывают их адарги.
Лебедей белее кони
С заплетенными хвостами.
Мчатся всадники, как ветер.
Через площадь Бибаррамблы.
Нет балкона, где б их видом
Не сражалось сердце дамы.
Рыцарей Сегри квадрилья
Выезжает с блеском равным;
Их одежды цвет зеленый
Вперемежку с цветом алым.
Аньяфилов звук певучий
Возвестил игры начало.
Завязалась битва в копыа,
На игру похожа мало.
Закипел глухой враждою
Бой искусственный внезапно.
Из Сегри один пал мертвым;
Получил Алабес рану.
Молодой король увидел –
Из игры возникла распря;
На коня скорей вскочивши,
Поспешил на Бибаррамблу.
Разойдитесь, расступитесь,
Королю дорогу дайте!
Короля увидя с жезлом,
Бой враги свой прерывают.
Муса едет к Сакатину,
Вместе с ним Абенсеррахи.
Прочь Сегри с турнира едут
К Бильбатаубину замку.
Так игра сменилась в копыа
Злою распрею в Гранаде.

Потрясена и взбудоражена была Гранада, ибо цвет рыцарства был вовлечен во вражду и распрю. Молодой король отягчен заботами и не знал, что предпринять против новых неприятностей, ежедневно возникающих при дворе. Он изо всех сил старался восстановить мир между враждующими рыцарями. Кроме того, он приказал произвести расследование: из-за чего возникла распря? И тогда выяснилось и стало очевидно, что зачинщиком явился Магома Сегри,

павший в игре; стало известным и предательство, замышленное им против Абенсеррахов и Алабеса.

Король решил тогда судить Сегри и Гомелов; но рыцари Гранады сделали все возможное, чтобы он этого не делал. И потому враждующие стороны помирились друг с другом, и в Гранаде воцарился прежний мир.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Повествующая про горестное оплакивание прекрасной Фатимой смерти отца; а также про то, как прелестная Галиана вернулась бы в Альмерию, если бы не приехал ее отец; про то, как она была побеждена любовью храброго Саррасина и про столкновение последнего с Абенамаром под окнами королевского дворца

Обильные и безутешные слезы проливала прекрасная Фатима из-за смерти Магомы Сегри, своего отца; так сильна была ее скорбь, что ни королева и никто из дам двора не были в состоянии ее утешить. И от непрерывного и столь скорбного плача она исхудала и утратила большую часть своей красоты. Тогда решили увезти ее из Гранады, где она предавалась такой безграничной печали, в Альгаму, алькайдом которой был ее родственник, имевший прекрасную дочь, в чьем обществе Фатима могла бы несколько утишить свое горе⁵⁰.

Прекрасная Галиана, до той поры всегда остававшаяся свободной от любовной страсти, теперь настолько пленилась обаянием и красотой Амета Саррасина, что не знала, как ей быть. И так как уже истекал срок ее пребывания в Гранаде, то она решила тайно послать своего верного пажа с приглашением к могучему Саррасину. Получив приглашение, храбрый мавр ни минуты не задержался и вместе с пажом отправился во дворец. Войдя в покои прекрасной Галианы, он нашел ее там совершенно одну. При виде его дама поднялась, вся изменившись в лице, а могучий Саррасин с величайшим почтением сказал ей, что он готов исполнить все, что она прикажет.

Красавица велела ему сесть на возвышении, устланном шелковым ковром, причудливым образом сделанным и разукрашенным. Сама села неподалеку от него. Они заговорили о минувших празднествах, о смерти Сегри и о вновь вспыхнувшей из-за этого вражде. Саррасин, свободно любовавшийся великой красотой Галианы, отвечал на все ее вопросы, а затем обратился к ней со следующими словами:

– Прекрасная сеньора! великим мужеством преисполняется счастливец, удостоившийся вблизи созерцать вашу чрезмерную красоту. Да будет угодно аллаху, чтобы я смог совершить ради вас что-либо, вам угодное. Ибо – клянусь Магометом – я отдал бы всю мою жизнь только за то, чтобы доставить вам радость. Вы позвали меня, как знать, может быть, лишь затем, чтобы одним взглядом ваших прекрасных глаз даровать мне смерть; и если это так, то я рад моей смерти, раз мне ее дарует столь главная принцесса.

И, говоря эти слова, он не мог скрыть страсти, какую испытывал в душе; глубоко вздохнул и умолк.

Галиана очень обрадовалась, увидя эти доказательства и признаки вспыхнувшей любви у Саррасина, ибо она его уже любила всем сердцем за его изящество и благородство.

И так, сияя от радости, она ответила ему:

– Не следует удивляться тому, что мужчины покоряются при первом взгляде на даму и тотчас же открываются в своих чувствах. Но более удивительно, что позже они нарушают обеты верности, данные ими в первые дни любви. Поэтому нельзя верить словам и клятвам мужчин.

Саррасин ответил:

⁵⁰ Текст главы представляется дефектным: слишком рано прервана тема скорби Фатимы и т. п.

– Пусть лишит меня Магомет своего неба, если я не принадлежу вам всем сердцем и не желаю отдать всю свою жизнь только за вас, что было бы для меня величайшей честью. Клянусь вам как рыцарь и сын рыцаря: до самой смерти я не нарушу ничего из обещанного мною.

– Я очень хорошо знаю, что вы настолько добродетельный рыцарь, – возразила Галиана, – что выполните все вами обещанное, и потому я рада принять вас в свои рыцари. Но вам уже известно, что завтра я должна уехать в Альмерию, куда меня призывает мой отец, еще раньше оставивший Гранаду. Сейчас мы не можем больше здесь разговаривать, дабы не узнал про то король Гранады. Но сегодняшней ночью приходите под балкон этого зала в час, когда вас никто не сможет увидеть, и мы сможем поговорить с вами подробнее. А пока идите, и да хранит вас аллах.

Саррасин взял ее руки в свои и с силой сжал их; простившись, вышел из ее покоев самым счастливым мавром на свете. Он желал, чтобы поскорее наступила ночь, и каждый час ему казался годом, он проклинал солнце, медлившее в своем движении; ему казалось, будто оно нарочно задерживает свой ход по небу в этот день. Так он пробродил весь остаток дня, не будучи в состоянии найти себе место, где бы отдохнуть. Но вот настала ночь, столь страстно ожидаемая храбрым мавром. Он хорошо вооружился на всякий случай, ибо в Гранаде было очень беспокойно из-за распри рыцарей, как про это было уже рассказано. В час ночи – время, когда все люди преданы сну, он отправился к месту, назначенному ему прекрасной Галианой. Приблизившись к балкону, он услышал сладостные звуки лютни и нежно поющий голос. Саррасин, ревниво прислушавшись, чтобы узнать, что это за музыка, услышал ясно красивую и новую песнь на изящном арабском языке. Эта песнь, начинавшаяся глубоким, точно из самых недр души выходящим вздохом, гласила:

О Галиана!
Сравнишься с той красою ⁵¹,
Кому Парис из Трои,
Судья прямой и рьяный,
Отдал у стен Дардана
Раз яблоко златое,
Что спор богинь решило.
– О лик желанный!
Твоей улыбкой милой,
Когда б ее увидел,
Пленился б Марс без меры
И позабыл Венеру.
Погибель Илиона –
Спартанская Елена
Равна ль красою бледной
Красе твоей победной?
Непревзойдена,
По красоте нетленной
Всех дев ты совершенней.

⁵¹ Песнь Абенамара Галиане имеет книжный характер, насыщена чуждыми маврам данными греческой мифологии и кончается мольбой к языческим богам – что маловероятно в устах мавританского рыцаря. Во времена Переса де Ита такого рода нарушения местного колорита и анахронизмы никого не смущали. В позднесредневековой и особенно в ренессансной Испании троянские мифы были общеизвестны и не требовали пояснений. Абенамару Галиана кажется прекрасней Елены и самой Венеры (Афродиты), которая победила в состязании в красоте Юнону (Геру) и Минерву (Афину). Присужденное троянцем Парисом Венере золотое яблоко обеспечило ему возможность похитить Елену, но стало яблоком раздора – дало повод к войне, погубившей Троию (иначе: Илион; город Дардана). Наряду с темой красоты Галианы (увидев которую, возлюбленный Венеры – бог Марс (Аррей) позабыл бы ее ради Галианы...) в песне проводится тема соперничества и раздора.

Не будь же беспощадна,
Внемли любви моленью;
Не обрекай забвенью
Искать мне в смерти хладной.
Красы богиня!
Смири мои тревоги:
Ведь милостивы боги.

Преисполненный ярости, внимал храбрый Саррасин любовной песне и, не будучи больше в состоянии сдерживаться, одним прыжком оказался там, откуда звучало пение, желая узнать, кто поет. Певший, услышав, что кто-то идет, прервал игру и пение и пошел навстречу подхлывшему узнать, чего от него хотят. И да будет вам известно, что играл и пел могучий мавр Абенамар, который, как вы уже слышали раньше, изнывал от любви к Галиане. В ту ночь он решил устроить для нее музыку, ибо очень был в этом деле искусен.

Могучий Саррасин подошел и спросил:

– Кто здесь?

Ему ответили, что здесь человек.

– Ну, так кто бы вы ни были, но вы плохо поступаете, занимаясь игрой и пением под окнами королевского дворца.

В этой части дворца спали как раз королева и ее дамы, и у короля из-за музыки могли возникнуть подозрения.

– Пусть это вас не тревожит, – возразил Абенамар, – не вам беспокоиться о том, что выйдет из моей игры и пения, а потому проходите своей дорогой.

– Негодяй! – вскричал Саррасин, – если ты не хочешь убраться отсюда по доброй воле, так я тебя заставлю это сделать силой, и тебе придется плохо.

И, крикнув эти слова, он прикрылся крепким щитом, выхватил из ножен альфангу дамаской стали и двинулся на Абенамара, проявившего не меньше храбрости и стремительности.

Абенамар, поставив на землю лютню, схватился за свой щит и отличную альфангу, и они вступили между собой в бой, не узнав друг друга. Звон ударов был настолько громок, что на него сбежалось несколько мавританских рыцарей, тоже влюбленных и искавших своих возлюбленных. Они хотели разнять сражающихся, но в этом уже не оказалось необходимости, потому что как только Абенамар и Саррасин услышали, что собираются люди, они по собственному почину, дабы не быть узанными, бросились в разные стороны. Абенамар, легко раненный в бедро, успел захватить с собой свою лютню. Все произошло так быстро, что никто не смог их узнать.

Прекрасная Галиана очень хорошо видела и слышала все происшедшее, так как уже находилась на балконе, когда Абенамар начал играть и петь. Когда же начался поединок, она, перепуганная, удалилась к себе в спальню, печалась о случившемся и страхась, как бы один из них не оказался тяжело раненным. Событие не смогло остаться настолько тайным, чтобы на следующее утро про него не узнал король. Сильно рассерженный, приказал он своему главному альгвасилу произвести расследование. Но не удалось ни напасть на след, ни выявить виновников.

После этого король сделал распоряжение об отъезде прекрасной Галианы в Альмерию. Он приказал сопровождать ее пятидесяти рыцарям.

Когда все уже было готово к отъезду, в королевский дворец прибыл Магома Мостафа – алькайд Альмерии, отец прекрасной Галианы. Он привез с собой свою младшую дочь, столь же красивую, как и Галиана, а может быть, и больше. Ее звали Селимой.

Король поднялся со своего места и обнял алькайда со словами:

– Добро пожаловать, друг мой Мостафа! Своим приездом ты доставляешь мне большую радость. Твоя дочь Галиана уже совсем была готова отправиться к тебе, и ее сопровождала бы приличествующая ей свита.

Мостафа ему ответил:

– Я хорошо знаю, что твое величество всегда будет наделять меня великими милостями, хотя я их и не заслужил.

– Не говори так, Мостафа, – сказал ему король и обнял прекрасную Селиму, а та поцеловала ему руки. Все дамы королевы и сама королева поднялись навстречу Селиме. Селима поцеловала руки королевы, обняла свою сестру Галиану и дам. Последние восхищались чрезвычайной красотой Селимы. Она же точно так же восхищалась красотой их всех. Затем они пошли на половину королевы.

Алькайд Мостафа обменялся приветствиями с рыцарями, король велел ему сесть рядом с собой и обратился к нему с такими словами:

– Я очень радуюсь, достойный алькайд Мостафа, приезду твоему и твоей дочери. Но мне хотелось бы знать его причину, поведай ее мне, если это тебе угодно.

– Великий государь, – отвечал Мостафа, – главная причина моего приезда – после желания поцеловать твои королевские руки – привезти сюда мою дочь Селиму, чтобы она наравне со своей сестрой Галианой служила ее величеству, моей госпоже королеве. В Альмерии она чувствует себя неуютно, особенно после неоднократных набегов христиан, которых она страшится, и потому я счел, что ей лучше находиться теперь в Гранаде, а не в Альмерии.

– Ты очень хорошо поступил, Мостафа, привезя ее сюда, – сказал король, – здесь она будет находиться в обществе своей сестры и развлечется множеством празднеств, устраиваемых в Гранаде, хотя некоторые из прошлых праздников и возбудили жестокие раздоры.

В эту минуту поспешно вошел один старый мавр и сообщил, что по Долине, за городом, разъезжает на могучем коне великолепно вооруженный христианский рыцарь; конь не переставая ржет и устрашает всех, кто его только слышит.

– Кто бы мог быть этот рыцарь? – проговорил король. – Скажи, мавр, не узнал ли ты его по знакам? Может быть, то магистр?

– Господин, я его не знаю, – ответил мавр, – могу только сказать, что на вид это очень храбрый и могучий рыцарь.

Тотчас же король и рыцари, королева и дамы поднялись на башню Колокола, самую высокую башню Альгамбры, чтобы посмотреть, кто тот христианский рыцарь.

В ту пору Молодой король находился в Альгамбре, так как помирился со своим отцом, хотя и жил не в королевском дворце, но совершенно отдельно – в башне Комарес. У королевы и ее дам был отдельный балкон на башне, с которого они могли видеть все происходящее в Долине.

Король и все остальные увидели христианского рыцаря на прекрасном, в серых яблоках, коне. Ржание этого коня очень явственно доносилось до Альгамбры. Они не смогли узнать рыцаря; на щите и на груди у него был красный крест, но было хорошо видно, что это не магистр Калатравы. Тут они заметили, как рыцарь приветствовал королеву и ее дам, едва они показались на балконе.

Королева и дамы отвечали на его приветствие. После этого рыцарь прикрепил к острию своего копья красный стяг, что служило вызовом на бой.

Король сказал:

– Клянусь Магометом, мне очень бы хотелось знать, кто этот христианский рыцарь, вызывающий так на бой.

Храбрый Гасул, стоявший рядом с королем, сказал ему:

– Государь, пусть знает ваше высочество, что христианский рыцарь, желающий боя, есть дон Мануэль Понсе де Леон⁵² [магистр ордена Сант-Яго]. Я его хорошо знаю; это рыцарь великого мужества и силы, и нет у христианского короля ему равного.

– Я был бы очень рад, – ответил король, – посмотреть, как он сражается, так как много слышал про его славу.

Тогда Мостафа, алькайд Альмерии, сказал:

– Если твое величество мне позволит, я отправлюсь сразиться с христианином, ибо помню, что он некогда убил моего дядю, брата моего отца. Я хотел бы испытать, будет ли судьба ко мне настолько благосклонна, что вложит в мои руки месть за смерть дяди.

– Не беспокойся об этом. – отвечал король. – При моем дворе есть много рыцарей, способных принять этот бой.

Все присутствовавшие тут рыцари стали просить у короля, как о милости, чтобы он позволил им выехать на бой с христианином, находившимся в Долине.

Тогда один из королевских пажей сказал им:

– Сеньоры рыцари, не спешите так просить короля позволения на бой, потому что один рыцарь уже выехал из королевского дворца, чтобы сразиться с христианином.

– А кто позволил этому рыцарю выехать против врага? – спросил король.

Паж ответил:

– Ему позволила моя госпожа королева, ибо он о том очень горячо просил ее.

– А кто этот рыцарь? – спросил король.

– Это Малик Алабес, – ответил паж.

– Ну, если так, – сказал король, – ему есть зачем поехать на бой, ибо Алабес – славный и храбрый рыцарь. И раз оба противника столь храбры, то горячим будет бой.

Некоторые из рыцарей огорчились тем, что не они, а Малик отправился на бой, но это огорчило несравненно сильнее прекрасную Коaidu, безмерно его любившую, как мы про то уже рассказывали. Не хотелось ей, чтобы ее любимый подвергал себя подобной опасности. И, испросив позволения у королевы, она ушла с балкона, чтобы не видеть поединка, удалилась к себе в комнату, полная скорби и страха перед тем, что могло совершиться.

Король и рыцари дожидались выезда Алабеса в поле. И весь город Гранада знал уже, что за городскими стенами христианский рыцарь ждет боя. И все жители поспешно бросились на балконы и к окнам, чтобы видеть бой, зная, что храбрый Алабес уже отправился в Долину для встречи с христианином.

Король приказал быстро снарядиться ста рыцарям и быть готовыми помочь Алабесу, чтобы тот не сделался жертвой какого-нибудь предательства. Это было исполнено – сто рыцарей вооружились и стояли в воротах Эльвиры, ожидая выезда храброго Алабеса на бой с христианином, чтобы сопровождать его в качестве охраны, как то было им приказано королем и чего все желали.

⁵² *Понсе Де Леон* – реально существовавший испанский дворянский род. В войне за отвоевание Гранады особенно отличился дон Родриго Понсе де Леон, герцог Кадисский и граф Аркосский (1443 – 1492). В начале XVI в. Хуан Понсе де Леон был видным конкистадором – он открыл Гольфстрим. Один из Понсе де Леонов стал героем комедии немецкого поэта-романтика Клеменса Брентано «Понсе де Леон» (1801),

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ней рассказывается про жестокий бой в Долине Гранады между Маликом Алабесом и доном Мануэлем Понсе де Леон

Едва успел дон Мануэль Понсе де Леон прикрепить к своему копыю красный стяг, что было знаком вызова на бой, как доблестный Малик Алабес покинул балкон, где он находился с королем и остальными рыцарями. Никем не замеченный, он прошел на балкон, где были королева и ее дамы. И, склонив колени перед королевой, он умолял ее позволить ему выехать в Долину, чтобы сразиться с христианским рыцарем; ибо в честь дам хотел он устроить бой. Королева ему милостиво позволила, сказав:

– Да будет угодно великому аллаху и нашему Магомету, чтобы счастье благоприятствовало вам, друг мой Алабес, чтобы обрадовали вы наш двор и стяжали себе великую славу и честь в той битве, на которую вы сейчас отправляетесь.

– Полагаюсь на аллаха небесного и верю, что так оно и будет, – отвечал Алабес, и затем, поцеловавши руки королеве, он простился с нею и ее дамами. Уходя же, остановил свой взгляд на даме своего сердца Коайде, чем привел ее в большое смущение, после чего покинул дворец.

Явившись к себе домой, он приказал оседлать серого жеребца, присланного ему в подарок его двоюродным братом – алькайдом двух Велесов, подать крепкий щит, сделанный в Фесе, и дорожную, дамаской стали, кольчугу. Слуги выполнили все его приказания.

Поверх лат он надел альхубу из темно-лилового бархата, всю расшитую золотом, стоившую больших денег, и поверх плотного шлема надел берет такого же лилового цвета, как и альхуба. К берету он прикрепил плюмаж из желтых и серых перьев, а кроме того еще отдельно несколько перьев зеленых и голубых. Шлем и берет он закрепил на голове посредством дорожной синей ленты из очень тонкого шелка, сплетенного с золотом. Шелковую ленту он закрутил много раз вокруг головы и концы ее завязал в красивый тюрбан. А к тюрбану прикрепил очень ценный медальон из чистого золота, вывезенный из Аравии. Медальон был весь чудесно отделан резьбой, представляющей ветви цветущего лавра; листья этих ветвей были сделаны из прекраснейших изумрудов, а в середине медальона находилось изображение дамы, очень естественно сделанное; медальон был большой ценности и красоты.

Одевшись таким образом к собственному удовольствию, храбрый мавр взял из связки копий копьё с двумя железными наконечниками, сделанными в Дамаске. Затем он вскочил на своего могучего серого коня, поспешно выехал из своего дома и проехал по улице Эльвиры с таким великолепием и блеском, что всякий, кто только его видел, испытывал огромное удовольствие. Достигши ворот Эльвиры, он нашел там сто рыцарей, которым король велел его сопровождать. Тогда все они выехали из юрода, вскачь пустили по полю своих коней и в шутку нападали друг на друга. Они проехали все вместе мимо королевских балконов. Проезжая там, Алабес заставил своего коня опуститься на колени, а сам склонил голову к седельной луке, приветствуя короля, королеву и дам.

Выполнив это, он направился туда, где его дожидался доблестный дон Мануэль. И когда они подъехали, сто рыцарей остались позади, а Алабес один приблизился вплотную к дону Мануэлю и сказал ему: «Поистине, христианский рыцарь, если ты столь же храбр на деле, сколь воинствен на вид, тогда напрасно мое прибытие, ибо по сравнению с твоей мужественной внешностью я ничего не стою. Но раз я уж выехал, то померяюсь с тобой силами в поединке. И, если Магомету будет угодно, чтобы я оказался настолько несчастлив, что умер бы от твоей руки, я сочту за большую честь умереть от руки столь славного рыцаря, как ты. Но если бы

судьба оказалась ко мне благосклоннее, то я обрел бы себе вечную славу. И мне хотелось бы, чтобы ты назвал мне свое имя, ибо я хочу знать, с кем мне предстоит сражаться».

Храбрый дон Мануэль очень внимательно выслушал слова мавра; ему очень понравились и его вежливость, и его внешность; он принял его за знатного и храброго человека, о чем свидетельствовал надетый им в тот день пышный костюм.

Чтобы доставить ему удовлетворение, он сказал:

– Благородный мавр, кто бы ты ни был, но ты мне тоже нравишься; за твои приветливые слова скажу тебе, кто я такой. Узнай же, что меня зовут доном Мануэлем Понсе де Леон и я дал обет служить своему ордену. Я явился сюда, чтобы узнать, найдется ли в Гранаде какой-либо рыцарь, который пожелает со мной сразиться. И – даю тебе слово рыцаря – ты мне тоже понравился, и думаю, что в тебе столько же доблести, сколько обещает ее твоя наружность. И раз тебе теперь известно мое имя, будет очень хорошо и справедливо, если я узнаю твое, после чего мы сможем начать наш поединок на условиях, тебе угодных.

– Плохо поступил бы я. – отвечал Алабес, – если бы отказался назвать свое имя такому славному рыцарю; я зовусь Малик Алабес из королевского рода. Быть может, тебе приходилось слышать это имя? Род мой таков, что ты себя не унизишь, вступив со мною в битву. И так как мы знаем теперь друг друга по именам, будет справедливо узнать друг друга по делам, ибо за этим мы ведь сюда и явились.

Сказавши так, он повернул своего коня. То же самое сделал добрый дон Мануэль. И, разъехавшись на расстояние, какое им представилось необходимым, они затем так устремились друг на друга, будто столкнулись молнии.

Кони были отличные, и потому в один миг они оказались вместе; оба храбрых рыцаря осыпали друг друга сокрушительными ударами копий. Копья глубоко вонзились в щиты. Но рыцари, с отменной легкостью заставляя крутиться своих коней и крепко зажавши копыта в руках, выдержали их из щитов, куда вонзили их с такой чрезвычайной силой. И, носясь по полю, они продолжали бой. Старались ранить друг друга куда бы то ни было, и в этих своих стараниях выказывали большую силу и ловкость. И так храбро сражались друг с другом два отважных воителя, что это вызывало изумление. Зрители поединка, видя, как они хорошо отражали взаимные нападения, испытывали большое удовольствие.

Прошло два долгих часа с тех пор, как рыцари вступили в бой, а еще ни одному из них не удалось ранить своего противника, потому что, хотя им и удавалось наносить друг другу удары, они настолько были хорошо вооружены, что не могли нанести раны. К этому времени конь дон Мануэля уже устал больше, чем конь мавра; дон Мануэль это очень хорошо видел и очень этим огорчился, ибо не мог из-за этого нанести мавру удар, как того хотел. Мавр, заметив, что конь христианского рыцаря уже не так проворен, очень обрадовался, ибо из этого обстоятельства он надеялся извлечь победу над своим врагом. И тогда он начал с огромной быстротой кружиться вокруг дон Мануэля, чтобы окончательно утомить его коня. И раз, приблизившись более обычного и вполне положившись на своего доброго коня, он сильным ударом копья ранил дон Мануэля в бок, не прикрытый щитом. Удар был настолько силен, что, пробив кольчугу, нанес рану в левый бок, откуда тотчас же обильно заструилась кровь. Но мавру не удалось уйти без оплаты, потому что, поворачивая своего коня и рассчитывая на свой удар, он не успел этого, сделать с такой быстротой, чтобы дон Мануэль не настиг его, и, пока мавр делал поворот, он нанес ему в незащищенный бок настолько сильный удар, что тонкая кольчуга оказалась пробитой насквозь и острие копья вонзилось в тело, нанеся опасную рану. Ни один змей, ни один аспид не приходил в такую ярость, когда на него кто-нибудь наступал, в какую впал тот храбрый мавр, почувствовав себя столь серьезно раненным. С диким бешенством, почти обезумев от ярости, он повернул своего коня, помчался на дон Мануэля, атаковал его со всей яростью и нанес ему страшный удар копьем, пробивши насквозь щит и ранивши дон Мануэля второй раз. Дон Мануэль, рассерженный тем, что мавру удалось его ранить два раза

подряд, с такой быстротой устремил на него своего коня, что мавр, не успев еще отдалиться, получил вторую тяжелую рану; из той и другой раны кровь текла ручьем. Но это нисколько не устало мавра: он, еще более гневный и воспламененный, вел бой, наскакывая и отскакивая всякий раз, как ему предоставлялась возможность ранить христианина. Уже оба рыцаря были ранены три или четыре раза, а ни тот ни другой еще не обладали никакими преимуществами, что очень сердило дону Мануэля, так как они уже долгих четыре часа находились на поле сражения, но ничего еще не было достигнуто. И, полагая, что причина тому кроется в его коне, он с большой легкостью прыгнул с него. Прикрывшись щитом и отбросив копье, он обнажил свой великолепный меч и пошел на мавра. Мавр, увидев его спешившимся, очень удивился и оценил его великое мужество. И, дабы избежать упреков в трусости – остаться на коне, когда противник спешился, – он тоже соскочил с коня, отбросил копье и пошел навстречу христианину, очень уверенный в своей силе, которая действительно была велика; в руке у него была дорогая альфанга, сделанная в Марокко. Хорошенько прикрывшись своими щитами, оба рыцаря начали обмениваться мощными ударами, причем каждый бил, куда только мог.

Велика была крепость мавра, но ловкость христианина ее превосходила. Он заметно преобладал в бою, и каждый раз, как они сходились, мавр оказывался раненным. Меч храброго дону Мануэля был лучшим в мире, и, едва коснувшись врага, он уже наносил ему рану. Это было очень неприятно мавру, потому что, хотя он и с примерной отвагой нападал на своего противника, он встречал с его стороны настолько хорошую защиту, что не мог причинить ему вреда. Мавр, покрытый кровью и потом, был утомлен и от усталости стал торопиться, но, несмотря на все это, он ничем не обнаруживал своей слабости.

Тем временем благородный конь Алабеса, почувствовав седло опустевшим, а себя свободным, в несколько больших скачков догнал коня дону Мануэля, и между ними завязался бой, на который страшно было смотреть, ибо таковы были удары копытами и зубами, какими они обменивались, что невозможно описать. Конь мавра брал верх и кусал более жестоко, так как был обучен этому своим хозяином. Так что оба поединка – рыцарей и их коней – не уступали друг другу в жестокости. Кто в эту минуту внимательно взгляделся бы в бой между рыцарями, сразу увидел бы преимущество доброго дону Мануэля над мавром. И дело закончилось бы очень скоро и весьма плачевно для храброго Малика Алабеса, если бы в ту пору судьба не оказалась к нему особенно благосклонной.

И случилось, что когда кони и рыцари сражались, прибыли восемьдесят рыцарей, которых дон Мануэль оставил позади; они приехали посмотреть, в каком положении находится битва их храброго вождя с мавром.

Сто мавров, находившихся на страже Алабеса, увидев приближение отряда всадников, близко подъезжавших к месту сражения, приняли это за дурной знак. И, полагая, что те шли на помощь христианскому рыцарю, они, испуская воинственные крики, атаковали христианский отряд, пустив своих коней во весь карьер. Христиане приняли это за предательство и, чтобы защитить своего господина, поспешили им навстречу. И между обеими партиями завязалась очень кровопролитная сеча, и с обеих сторон многие пали мертвыми. Оба рыцаря в тот момент, когда их единоборство сделалось особенно жестоким и кровавым, увидя резню, неизвестно из-за чего возникшую, почли за лучшее прекратить свой поединок и поспешить каждый к своей партии, чтобы, если окажется возможным, заставить их разойтись.

Дон Мануэль направился к своему коню посмотреть, можно ли его взять; то же сделал Алабес. Но кони их по-прежнему с жаром продолжали свою борьбу, и никто бы не отважился к ним подступить. Мавританские рыцари поспешили достать коня Алабесу; то же самое сделали христиане, чтобы помочь дону Мануэлю. Здесь из-за коней разгорелся особенно жестокий бой; одни хотели помочь мавру, другие – христианину. Сражались между собой более пятидесяти рыцарей. Храбрый дон Мануэль пробился к коням, которые тем временем прервали свой бой, испуганные разгоревшейся вокруг них битвой.

Первым из коней, попавшихся дону Мануэлю под руку, был конь Алабеса. Дон Мануэль схватил его за поводья и, принужденный опасностью, в какой он находился, нарушил приличия и вместо своего коня воспользовался чужим: ведь на войне допускается все. Он птицей взлетел на седло, и ему было дано в руки его же собственное копьё. И, едва получив его, он врезался с такой стремительностью в гущу врагов, что казалось, будто на них обрушился удар молнии.

К тому времени и храбрый Алабес уже был на коне, ибо ему дали коня дон Мануэля, ничем не уступавшего его коню, если не считать только легкости; зато конь дон Мануэля отличался большой крепостью и выносливостью. Алабес огорчился обменом, но, видя, что помочь ничем нельзя, принял то, что даровала ему судьба. И точно так же, взявши в руки копьё, он вмешался в гущу христиан, в своей ярости подобный свирепому льву, повергая и убивая многих из них.

Молодой король Гранады, увидевший, как далеко зашло дело, поспешил спуститься с балкона и закричал, чтобы тотчас же тысяча рыцарей поспешила на помощь своим. Для этого понадобилось бить в набат, что и было выполнено настолько поспешно и громко, что сражавшиеся в Долине очень ясно услышали звон. Тогда доблестный Алабес, искусно пробираясь между сражавшимися, отправился на поиски дон Мануэля и не остановился, пока не нашел его. Заметив же его, направился к нему и знаками пригласил выехать из сечи; выехал из нее сам, а дон Мануэль последовал за ним, очень довольный, рассчитывая докончить поединок. Но когда они достаточно удалились от воинов, продолжавших с прежней яростью сражаться, Алабес подъехал к дону Мануэлю и сказал ему:

– Достойный рыцарь! Твое великодушие принуждает меня сделать для тебя что-нибудь. Знай же, что в Гранаде большое смятение и звонит набатный колокол, призывающий к нам на помощь. И по меньшей мере выедет тысяча рыцарей, а потому уведи поскорее своих людей, пусть они в полном порядке покинут Долину, ибо слишком мало их по сравнению с поспешающими к нам на помощь. Прими мой совет, ибо, хотя я и мавр, но я рыцарь, и рыцарский закон меня обязывает тебя предупредить, хотя ты и враг. Теперь же поступай, как найдешь лучше. Если хочешь, мы в другой раз окончим наш поединок. Я же тебе даю слово, что прибуду для его окончания, куда бы ты меня ни позвал.

Дон Мануэль отвечал:

– Благодарю тебя, рыцарь, за предупреждение; приму твой совет, так как он мне кажется хорошим. А чтобы принудить тебя меня отыскать, уведу твоего коня; ты же возьми моего, ибо он твоему не уступит. Встретившись в следующий раз, поменяемся опять.

И, сказавши так, он затрубил сбор в серебряный рог, подвешенный у него на шее. Христианские рыцари, услышав сигнал сбора, тотчас же прекратили битву и собрались в один миг. Мавры сделали то же самое, и каждый отряд отправился в свою сторону, оставив на поле многочисленных убитых и увозя с собой множество раненых. Алабес со своими достиг Гранады в то время, как из ворот Эльвиры выезжала им помощь.

Алабес велел им вернуться.

Король сам вышел встретить Алабеса. Его сопровождали самые знатные рыцари. Они довели Алабеса до самого его дома. Здесь с него сняли вооружение и одежду и уложили его в великолепную постель, где он пролежал, покуда залечивались его раны, оказавшиеся очень опасными.

Возвратимся теперь к дону Мануэлю, ехавшему со своими людьми через Долину и настолько раздраженному и недовольному тем, что ему не удалось закончить бой, что он ничего не говорил и не отвечал на задаваемые ему вопросы. Он очень осуждал своих людей за прибытие их в то время, когда он сражался с мавром. Если бы они не прибыли, он бы со славой закончил поединок. И то была правда, ибо если бы не поспешили к нему его люди, то и мавры не двинулись бы с места. Так закончилась та битва, и добрый дон Мануэль выиграл в ней славного коня велесского алькайда. Про ту битву сложили романс, гласящий:

Вы коня скорей седлайте
Для алькайда из Велеса,
Фесский щит мне дайте в руки
И наденьте панцирь крепкий.
Я копьё возьму с собою –
В мире нет копьё острее.
Под чалмой моей лиловой
Я надену шлем железный.
Пусть чалму мою украсит
Много перьев разноцветных
Цвета золота и синих,
Красных, розовых и белых.
Повяжу поверх тюрбана
Голубого шелка ленту.
Эту ленту подарила
Мне Коайда, дочь Амета.
Медальон еще на память
Я от дамы той имею.
Он похож на ветку лавра,
Изумрудами отделан.
Госпоже моей любимой
Передайте, чтоб смотрела,
Как вести я бой жестокий
Буду с доном Мануэлем.
Милой взгляд – моя охрана;
Милой взгляд – залог победы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В ней рассказывается про торжественный праздник и игру в кольцо, устроенные в Гранаде; и про то, как вражда Сегри и Абенсеррахов разгоралась все больше

Доблестному мавру Абенамару стало известно, что виновником столкновения под окнами королевского дворца был храбрый Саррасин. Абенамар решил отомстить ему за то, что он прервал его серенаду, и за нанесенную рану, хотя она и была легкой. Тем временем, бывая в королевском дворце, он видел, как прекрасная Галиана оказывала Саррасину великие милости, что повергло храброго мавра в великую скорбь и страдание. И, видя, сколь велика неблагодарность Галианы, которая совсем позабыла о том времени, когда он ей служил, а она принимала его услуги, и он ради нее совершил в Альмерии и в Гранаде много подвигов, он решил в свою очередь позабыть ее и обратить свой взгляд на прекрасную Фатиму, возвратившуюся уже из Альгамы в Гранаду. Он знал, что Мусу, влюбленного в Дараху, не занимает любовь Фатимы. Он начал изо всех сил служить Фатиме, и та охотно приняла его в свои рыцари и выказывала ему расположение, ибо Абенамар был очень знатным рыцарем, храбрым и приветливым человеком и большим другом Абенсеррахов. Впрочем, сама она не находилась в особенно хороших отношениях с родом из-за причин, о которых говорилось раньше. Но, ценя достоинства Абенамара, все остальное она предала забвению. К тому времени Дараха и Сулема Абенсеррах уже готовились к свадьбе, почему доблестный Муса перевел свои взоры на прекрасную Селиму, сестру прелестной Галианы. И все остальные знатные рыцари и дамы двора были влюблены друг в друга, и потому так было весело при дворе и столько устраивалось праздников, что можно лишь удивляться. Храбрый Аудала любил прекрасную Аху и, будучи знатным рыцарем из рода Абенсеррахов, постоянно устраивал пиры и игры, так что весь город Гранада предавался празднествам и удовольствиям.

Храбрый Абенамар, чтобы отомстить прелестной Галиане и досадить храброму Саррасину, договорился с королем об устройстве торжественного празднества в день святого Хуана, который должен был скоро наступить, и именно о состязаниях на копьях и игры в кольцо; при этом он изъявил желание быть устройтелем игр.

Король как любитель праздников, желая повеселить свой двор, одобрил устройство этого праздника, особенно же в честь счастливого спасения Алабеса от рук храброго дон Мануэля Понсе де Леон, ибо не малым чудом было уйти от его руки; кстати, Алабес к тому времени уже поправился.

Получив позволение короля, Абенамар приказал разгласить по всему городу об игре в кольцо и состязании на копьях, причем было объявлено следующее условие: всякий рыцарь, пожелавший состязаться на трех копьях с устройтелем игры Абенамаром, должен выступить и представить изображение своей дамы, сделанное в естественную величину, и если устройтель три раза кряду выиграет на копьях, соревнователь лишается портрета своей дамы; если же победит соревнователь, то он выигрывает портрет дамы устройства праздника, а с ним и золотую цепь ценою в тысячу дублонов.

Все влюбленные рыцари очень обрадовались таким условиям, ибо им представлялся случай одновременно выказать свою храбрость и показать красоту их дам. И все они надеялись выиграть у устройства портрет его дамы и драгоценную цепь.

Храбрый Саррасин очень хорошо понял причину, заставившую Абенамара взять на себя устройство праздника, и тоже чрезвычайно обрадовался; этим путем он намеревался показать своей даме Галиане свою храбрость и ловкость. И затем он и все рыцари, намеревавшиеся

состязаться в кольце, сделали для своих дам все, что смогли лучшего, изобразив их разукрашенными одеждами и платьями, в каких они обычно появлялись, чтобы все их узнали.

Наступил день святого Хуана (этот праздник чтут все народы в мире), и все гранадские рыцари – как принимающие участие в игре, так и не принимающие – нарядились. Особенно пышные одежды надели на себя участники игры, и все отправились на берег прохладного Хениля. Участники игры разбивались на квадрильи – отряды: один – Сегри, другой – их противников Абенсеррахов; особый отряд образовали Альморади и Венеги, а с противоположной стороны – Гомелы и Масы. Под звуки множества аньяфилов и атабалов началась великолепная игра в копьё. Отряд Абенсеррахов весь был одет в одежды цвета золота и темного пурпура, с многочисленными украшениями; девизом у них было солнце, а на шлемах – алое оперение. Сегри оделись в зеленые, золотыми звездами вышитые, одежды, с рассеянными между звезд полумесяцами – их эмблемой. Альморади выступили в пурпуровом и лиловом, Масы и Гомелы – в лиловом и соломенно-желтом. Великолепное зрелище представляли собою эти квадрильи рыцарей и вызывали всеобщее восхищение. По два и по четыре в ряд поехали они по Долине. Особенно красиво они выглядели, когда показалось солнце. И тогда началась игра, хорошо видимая с башен Альгамбры. Сам король, великолепно одетый, разъезжал среди участников, чтобы не случилось какого-нибудь замешательства или ссоры. Королева и дамы смотрели на игру с башен Альгамбры. Игра протекала весело и оживленно. Особенно отличились в тот день рыцари Абенсеррахи и Альморади. Храбрый Муса, Абенамар и Саррасин совершали настоящие чудеса. По окончании игры – а окончена она была по приказанию короля, видевшего, что Сегри и Абенсеррахи уже начинают распалиться, – все рыцари помчались, подбрасывая в воздух свои копьё так высоко, что они терялись из виду. Смелый Абиндарраэс особенно отличился в тот день. Его дама любовалась им с башен Альгамбры. Королева сказала ей: «Харифа! Твой рыцарь смел и отважен». Харифа молчала, алая словно роза. Фатима делала вид, что смотрит на своего Абенамара, и казалось, что ее очень занимают и радуют его успехи, но Харифа видела и понимала, что на самом деле она тоже смотрит на ее Абиндарраэса. И тогда, преисполнившись ревности, она обратилась к ней с такими словами:

– Велики чудеса любви, сестра Фатима! Где бы она ни господствовала и ни царила, нигде не может она остаться скрытой. По крайней мере ты не можешь отрицать, милая Фатима, будто ты чужда этой страсти, ибо твое прекрасное лицо ясно о том свидетельствует. Обыкновенно ты бываешь розовой и красивой, как роза в цветнике, а сейчас лицо твое печально, меланхолично и желто. И все это как раз очевидные признаки любви. И я думаю, что не ошибусь, сказавши, что привели тебя к такому состоянию достоинства Абиндарраэса. И если это так, ты не должна от меня ничего утаивать, ибо ты знаешь, какой верный и преданный я тебе друг. И моей дружбой к тебе клянусь, что если тебе от меня что-нибудь нужно, ради моей любви к тебе я все для тебя исполню.

Умная Фатима тотчас же разгадала хитрость Харифы и, зная про ее любовь к Абиндарраэсу, не захотела признаться в своей к нему любви. И она притворно ответила такими словами:

– Если и велики чудеса любви, то мне о них ничего не известно, и я не испытываю на себе их действия. Причины того, что мое лицо утратило свой прежний румянец и я так печальна, известны: то совсем недавняя кончина моего доброго родителя и не затихающая вражда между Сегри и Абенсеррахами. Но даже допуская, что я подвержена любви, уверяю тебя, милая Харифа, что причиной этого несчастья не был бы Абиндарраэс, как ты утверждаешь: там, среди участников игры на копьях, есть рыцари, не уступающие ему в мужестве и храбрости. В этом ты убедишься сегодня же позже, когда начнется игра в кольцо: самые славные и знаменитые рыцари Гранады выступят с изображениями своих дам, и ты увидишь тогда, кто любимая дама и кто верный ей рыцарь.

Тут она замолчала и, не добавив более ни слова, обратила взоры в сторону сражающихся в Долине рыцарей. Фатима не отрывала глаз от своего Абенамара, совершавшего в тот день

чудеса, и она легко отличала его по лиловому стягу на копье, с серебряной буквой «Ф» и золотым полумесяцем на нем – буква и эмблема прекрасной Фатимы.

Король и рыцари, развлекавшиеся с восхода солнца до одиннадцати часов дня, вернулись в город только для того, чтобы подготовить все необходимое для игры в кольцо.

Про день святого Хуана и про игру в копьа сложили такой старый романс:

В день Хуана утром ранним,
Только солнце показалось,
Под стенами городскими
Мавры праздник начинают.
Копья мечут метко в кольца,
На древках трепещут флаги,
Каждый флаг рукою нежной
Маврам дамы вышивали.
А возлюбленный счастливый,
Дама дар себе стяжавший,
За него своим искусством
На турнире этом платит.
И внимательно смотрели
На игру со стен Альгамбры
Вместе с доброй королевой
Многочисленные дамы.
Там Харифа и Фатима;
Они обе лишь недавно
Находились в тесной дружбе,
Ныне сделались врагами.
С той поры не говорили
Меж собой еще ни разу.
Но Харифу мучит ревность,
Говорит, словами рая:
«Ах, Фатима, сразу видно,
Как любви тебя жжет пламя!
Раньше щек твоих цветущих
Ал и ярк был румянец;
Ныне щеки побледнели
И уста хранят молчанье.
Хочешь видеть, где твой рыцарь?
Так взгляни отсюда с башни;
Там, в Долине, смел и ловок
На коне Абиндарраэс».
Ей в ответ Фатима скромно:
«Знай, Харифа, дорогая,
Мне любви изведать в жизни
Не пришлось еще ни разу.
Если ж щеки стали бледны,
То причина тут такая:
Мой отец убит Маликом,
Об отце я горько плачу.
А когда б любви хотела,

То, поверь, найти смогла бы
Много рыцарей достойных
Я среди юношей Гранады.
Мне они служили б верно,
Для меня бы совершали
Много подвигов не хуже,
Чем свершил Абиндарраэс».
Тут беседу меж собою
Заклучили обе дамы.

Вернемся к нашему повествованию. Король и рыцари, не принимавшие участия в игре, поместились на балконах, выходивших на Пласа-Нуэва, чтобы оттуда смотреть на игру рыцарей в кольцо. В конце площади, около фонтана Львов, они заметили красивый шатер из дорогой зеленой парчи, а рядом с ним высокую подставку под балдахином из зеленого бархата. На подставе было разложено много драгоценностей, а посреди них – прекраснейшая и драгоценная цепь, стоившая тысячу золотых дублонов. То была цепь, предназначенная вместе с портретом дамы в награду победителю. В целом городе Гранаде не осталось ни одного человека, кто бы не пришел посмотреть на этот праздник, и даже из всех окрестных селений собрался народ. Все знали, что в день святого Хуана в Гранаде всегда устраивались великолепные и пышные празднества.

Скоро зазвучали сладостные звуки флейт, доносившиеся из улицы Сакатин. То храбрый Абенамар – владелец кольца и устроитель праздника – шел занять свое место. И выехал он на площадь следующим образом: впереди четыре красивых мула, нагруженные копьями для игры в кольцо; на копьях были стяги из зеленого дамаса, все усыпанные множеством золотых звезд. На мулах, на шнурах из зеленого шелка, было подвешено множество серебряных колокольчиков. Их сопровождали конные и пешие слуги. Мулы остановились у шатра устроителя праздника, и тут же по его приказанию слуги раскинули еще один шатер из зеленого шелка и сложили в него все копья. После этого нарядных мулов увели. Затем следовало тридцать рыцарей, богато одетых в зеленые и алые одежды, с серебряными нашивками, с белыми и желтыми перьями на шлемах. Пятнадцать рыцарей ехало с одной стороны, пятнадцать – с другой, а посередине – храбрый Абенамар, одетый в зеленую парчу, марлоту и плащ большой ценности. Он ехал на очень красивом коне в серых яблоках. Украшения коня также были из зеленой парчи, на голове же его – плюмаж, очень дорогой, из зеленых и пурпуровых перьев. По всей одежде отважного мавра были разбросаны многочисленные золотые звезды, а слева на богатом плаще его – сияющее солнце с такой надписью:

*«С нами может кто сравниться?
С дамой избранной – красою.
Иль отвагою – со мною?
Нашей славе мир дивится».*

Этот же самый девиз был выставлен и на площади.

За отважным Абенамаром следовала красивая триумфальная колесница, обшитая дорогим шелком. Она состояла из шести богато разукрашенных ступеней. Над самой верхней ступенью была сделана триумфальная арка причудливой формы; под аркой стоял трон, к которому с великим искусством было прикреплено изображение прекрасной Фатимы, столь похожее, что если бы не было известно, что это – портрет, его можно было бы принять за самый оригинал. Изображение было столь прекрасно и столь богато украшено, что не нашлось ни одной дамы, которая при взгляде на него не замерла бы от зависти, и ни одного рыцаря, не сраженного

любовью. Она была одета по турецкому образцу в одежду очень странной, никогда не виданной формы. Половина – светло-желтая, другая половина – лиловая, и обе – затканые золотыми звездами со многими золотыми нашивками и украшениями. Платье было сшито с большим вкусом, подкладка его была серебристой парчи, ее волосы были распущены, подобно золотым нитям; поверх них гирлянда из алых и белых роз, настолько естественных, что казалось, будто их только что сорвали в саду. Над головой ее парил бог любви – нагой мальчик с распростертыми крылышками, каким его изображали древние; оперение крыльев – тысячи цветов. Казалось, точно он опускает прекрасный венок на прелестный образ; У ног дамы лежали лук и колчан Купидона, как бы трофеи победы. Дама на портрете держала в руках букет чудесных фиалок, будто только что сорванных в саду Хенералифе. Так следовало прекрасное изображение Фатимы, являя собой никогда не виданное зрелище. Колесницу ее везли четыре красивых кобылицы, белых как снег. Возница был одет в такую же одежду, что и рыцари. За колесницей следовало тридцать рыцарей, одетых в зеленые и алые одежды, с плюмажами тех же цветов. Так прибыл на место состязаний храбрый Абенамар – устроитель состязаний. Под звуки гобоев и других музыкальных инструментов он сделал круг по всей площади, проехав под самыми балконами короля и королевы и настолько восхитив всех присутствующих своим видом и великолепием выезда, что ничто в мире не смогло бы превзойти это восхищение, ибо никакой властелин, как бы он богат ни был, не смог бы превзойти великолепия этой процессии. Когда колесница проезжала мимо балкона королевы, последняя и ее дамы испугались при виде портрета прекрасной Фатимы: так он был похож. Фатима стояла рядом с королевой, и тут же находились Дараха, Саррасина, прекрасная Галиана и ее сестра Селима, Коайда, и много прекрасных дам. Все они поздравляли Фатиму и говорили ей, что она очень обязана доброму рыцарю Абенамару. И если он сумеет служить ей и защищать ее портрет в игре в кольцо так же хорошо, как он устроил триумфальный выезд, она сможет считать себя самой счастливой дамой в мире. Фатима отвечала им, что ей ничего неизвестно об этом деле и она тут ни при чем; если же Абенамар сам захотел все это устроить, то ее никак не занимает, отстоит ли он ее изображение или нет.

– Так, значит, – спросила Харифа, – рыцарь Абенамар тайно решил совершить свой подвиг и выставил ваш портрет?

– Это дело Абенамара, – ответила Фатима, – и касается его одного. Но посмотрите лучше на вашего Абиндарраэса, ибо он ради вас совершил уже много подвигов, достойных запоминания.

– Мои отношения с Абиндарраэсом, – возразила ей Харифа, – открытое дело, и всем известно, что он мой рыцарь, но дело с Абенамаром нам всем представляется совершенно новым, и поистине мне было бы очень тяжело, если бы Абиндарраэс и Абенамар стали сегодня соперниками.

– Станут они ими или не станут – что вам до этого за дело? – спросила Фатима.

– Мне потому это было бы тяжело, – ответила ей Харифа, – что мне не хотелось бы, чтобы ваш портрет, прибывший сюда сегодня с такой пышностью, попал в мои руки...

– Так вы настолько твердо уверены в успехе вашего Абиндарраэса, что уже считаете мой портрет своим? – сказала Фатима. – Ну, так не беспокойтесь же преждевременно и не оценивайте столь высоко доблесть вашего рыцаря, ибо судьба может сделать как раз обратное тому, что вы сейчас предполагаете; нельзя слишком верить в рыцарей: ведь они тоже подвластны произволу судьбы.

Королева, очень хорошо слышавшая спор, сказала:

– Зачем вести бесплодные разговоры? Вы обе одинаково прекрасны. Сегодня мы узнаем, кому из вас достанется венец и слава красоты, а пока умолкнем и подождем, покуда не кончился праздник, ибо конец венчает дело.

На этом спор закончился.

Тем временем Абенамар, объехав кругом площадь, достиг красивого шатра. И когда его богатая колесница остановилась около подставы с многочисленными драгоценностями, он приказал поставить среди них портрет прекраснейшей Фатимы, что и было выполнено под музыку многих флейт и гобоев. После чего он соскочил со своего коня, отдал его слугам и сел у входа в шатер на красивое и дорогое кресло, где стал дожидаться появления какого-нибудь рыцаря-оспаривателя. Все рыцари, сопровождавшие храброго Абенамара, расположились вокруг него. Судьи заняли места на помосте, откуда можно было очень хорошо видеть состязание на копьях. Все ждали, чтобы выступил какой-нибудь оспариватель. Судьями были двое рыцарей Сегри, очень уважаемых, двое других – Гомелы и один – рыцарь Абенсеррах по имени Абенамет. Последний был главным альгвасилом Гранады, – должность, поручавшаяся лишь очень знатным и уважаемым рыцарям. Недолго пришлось ждать, и из улицы Гомелов донеслась громкая музыка аньяфилов и труб, и скоро показалась красивая квадрилья всадников, одетых в богатые одежды из алого и белого дамаса, со множеством золотых и серебряных вышивок. Все перья и ленты тоже были белые и алые. За кавалькадой ехал рыцарь, пышно одетый по-турецки, на прекрасном вороном коне; одежда рыцаря была из пурпурной парчи с золотыми вышивками; плюмаж такого же самого цвета; марлота и шлем обильно украшены драгоценными камнями. В этом рыцаре тотчас же все узнали храброго Саррасина. За ним ехала пышная колесница, очень богато отделанная, с четырьмя триумфальными арками чрезвычайной красоты, и на них изображение всех столкновений и сражений, когда-либо происшедших между маврами и христианами в Долине Гранады; среди этих изображений имелась и битва славного Гарсиласо де ла Веха⁵³ с храбрым мавром Аудала, битва из-за четок, которые мавр привязал к хвосту своего коня; а кроме этого еще множество изображений, сделанных весьма искусной рукой. Под четырьмя триумфальными арками находился круглый трон, хорошо видимый отовсюду, сделанный из лучшего алебастра, с великолепными на нем украшениями. На троне помещалось изображение дамы великой красоты, облеченное в голубую парчу, со многими золотыми вышивками и оборками. У ног этого красивого образа были сложены военные трофеи и среди них – сам бог любви, побежденный и поверженный, со сломанным луком, стрелами и колчаном, с рассеянными повсюду перьями его прекрасных крыльев.

Эмблемой храброго Саррасина было море, в нем скала, омываемая множеством волн, и надпись:

*«В сердце веры крепость со скалой сравнится,
Что ни ветра, ни прибоя не страшится».*

Такая же надпись была помещена на площади, чтобы ее все видели.

Так выступил храбрый Саррасин со своей колесницей, не менее красивой, чем колесница устроителя праздника. Ее везли четыре красивых гнедых коня в очень богатой упряжи, с украшениями пурпурового цвета.

За колесницей ехал нарядный отряд рыцарей в таких же пурпурных одеждах. Так, под торжественную музыку, объехал Саррасин площадь, доставив своим видом удовольствие всем зрителям. Тотчас портрет дамы был всеми признан, будучи портретом прелестной Галианы, и красотой ее восхищались. Все говорили: «Достойного соперника имеет устроитель торжества!»

Королева взглянула на стоящую около нее Галиану и проговорила:

– На этот раз, прекрасная Галиана, не скрывать вам вашу любовь. Очень меня радует, что вы себе избрали столь знатного и славного рыцаря. Хотя, говоря по правде, достоин был избрания и храбрый Абенамар, а вы его тем не менее отвергли.

Прекрасная Галиана молчала, вся зардевшись от смущения.

⁵³ Здесь анахронизм. Романс и подробный рассказ об этой битве см. в гл. XVII. См. также прим. 3 к гл. XVII,

Король же сказал своим рыцарям: «Сегодня предстоит нам увидеть великие дела, потому что рыцари – участники игры обладают великой храбростью, и каждый из них постарается сделать наилучшее. Посмотрим же, что сделает храбрый Саррасин».

Тем временем колесница Саррасина уже успела объехать площадь; он велел остановить ее рядом с колесницей Абенамара и затем, сойдя с коня, пешком отправился к шатру храброго Абенамара и сказал ему:

– Знай, рыцарь, что я сюда явился соревноваться в метании трех копий в кольцо. И если судьбе будет угодно, чтобы я выиграл у тебя все три раза, я возьму тогда портрет твоей дамы, а вместе с ним и выставленную тобой цепь ценою в тысячу дублонов; если же выиграешь ты у меня, – твоим будет портрет моей дамы и нарукавник, вышитый ее рукой, который господа судьи оценили в четыре тысячи дублонов.

Правду говорил доблестный Саррасин: нарукавник, облакавший его правую руку, был большой ценности и вышит собственноручно прелестной Галианой! И про тот нарукавник сложили такой романс, весьма всем понравившийся:

На верху Комарес башни
Раз сидела Галиана,
С прилежаньем и уменьем
Нарукавник вышивала.
Саррасин, ее любимый,
В дар получит нарукавник,
Он играть поедет в копья,
А его в заклад поставит.
Чистым золотом оборка
Нарукавник украшает,
Изумрудов и рубинов
В нем горит нарядный пламень.
Пылью звездною рассыпан
Ясный жемчуг, блеск алмазный,
Не найти на целом свете
Драгоценности прекрасней.
Как отраднo Саррасину
Дамы избранной вниманье,
Сколько чувствует он в сердце
Благодарности и страсти!
Пусть любовь его безмерна –
Галиана любит равно,
Саррасин любви достоин
И владеет ей по праву.
Галианы верен выбор:
Заслужил тот рыцарь славный,
Чтоб ему вручил бы сердце
Лучший цвет девиц Гранады.
Много мавров безуспешно
Галианы добивались,
Одному лишь Саррасину
Улыбнулась здесь удача.
Для него она презрела
Все усилия Абенмара.

Полны радостной надежды
Саррасин и Галиана.
Свадьбы близок день счастливый,
Близок пир и близки самбры,
И на брак есть позволение
Альмерийского алькайда.
Тот алькайд – отец невесты.
Сам король устроит праздник.
«Будет свадьба непременно», –
Говорят по всей Гранаде.

Короче, не было цены нарукавнику.

И могучий Саррасин, уверенный в своей силе и ловкости, захотел поставить залогом драгоценный нарукавник, не считаясь с тем, какого он имел перед собой опасного противника. Последний, выслушав смелого Саррасина, ответил, что он принимает условия состязания: три копыя, брошенных в кольцо, решают, кому владеть закладом. Затем он потребовал себе коня, и ему подвели одного из восьми, нарочно для этого приготовленных и покрытых богатой попоной. Он вскочил в седло, не коснувшись ногою стремени. Ему подали копые для игры, и он поехал вдоль площади, посадкой и ловкостью своей восхищая всех зрителей.

Король сказал окружавшим его рыцарям:

– Теперь никто не сможет отказать Абенамару в том, что он преискуснейший наездник, но Саррасин ему не уступит. Так что сегодня в игре в кольцо нам предстоит увидеть великие дела.

Тем временем доблестный Абенамар достиг конца ристалища, назначенного для разбега, и, повернув коня, сделал большой прыжок, поднявшись от земли не менее, чем на три локтя. И затем конь помчался, будто молния, направляемый рукой такого отличного наездника, каким был Абенамар. Достигнув кольца, Абенамар на всем скаку вытянул вперед копые и с силой ударил им в кольцо; он задел его верхнюю часть, и не хватило только какого-нибудь полпальца, чтобы воткнуть его в самое отверстие. Так, коснувшись кольца, но не выиграв его, он промчался мимо, чрезвычайно раздосадованный своей неудачей. Постепенно, сдержав коня, он шагом отъехал к своему шатру, откуда стал наблюдать, чего достигнет могучий Саррасин.

Саррасина смутил и рассердил меткий удар Абенамара, едва не выигравшего кольцо. Но, уверенный в собственной ловкости, он попросил себе копые и, получив его, сдержанным шагом, гарцуя поехал к концу ристалища. Отсюда, повернув коня, он помчался с невиданной быстротой, точно он был молнией. Достигнув кольца, он вытянул копые настолько ровно, как если бы его конь в бешеной скачке оставался совсем без движения, и, метко вонзив копые в середину кольца, промчался, как ветер, унося кольцо, надетым на конец копыя. И тогда весь народ, присутствовавший на площади, и все, смотревшие из окон и балконов, громко воскликнули:

– Абенамар проиграл свой заклад!

А доблестный Саррасин, гордый своим успехом, заявил, что он победил. Но благородный Муса, бывший дружкой Абенамара, возразил, что еще нет, ибо по условию они должны были состязаться три раза, так что двух еще недоставало. Однако дружка Саррасина, рыцарь из рода Асарков, возразил на это, что приз уже выигран с первого копыя. Тут все подняли крик, и каждый настаивал на справедливости своего решения. Но судьи приказали всем замолчать, заявив, что решают они; и они решили, что заклад еще не выигран, так как остаются еще два копыя.

Ярым гневом запламенел могучий Саррасин из-за того, что ему не давали награду, хотя и был неправ, но страсть превозмогала в его мужественном сердце над справедливостью. Но

если недоволен и разгневан был Саррасин, то Абенамар был не менее его раздосадован; ему хотелось умереть от досады и гнева: так огорчил его проигрыш первого копья. Кто взглянул бы в это время на прекрасную Галиану, тот сразу бы узнал по ее лицу о радости, которой переполнилось ее сердце при выигрыше ее рыцарем первого копья.

Совсем противоположные чувства испытывала Фатима, и, хотя она их скрывала тщательно, все же совершенно их скрыть ей не удалось. Харифа, насмешница и хитрая придворная дама, заметила ей: «Друг мой Фатима! Не повезло вашему рыцарю с самого начала; если так будет с ним продолжаться до конца, не выиграть ему приза».

– Меня не печалит это начало, – ответила Фатима. – Не удалось ему сейчас, удастся после. И удастся настолько, что вы станете завидовать его удаче. Я уже говорила вам, что славу поют под конец.

– Сейчас вы хорошо разговариваете, – ответила Харифа, – подождем лучше конца.

И, обратив взоры на состязание, они увидели, как Абенамару подали другого коня и новое копьё. С клокочущим внутри гневом, но наружно совершенно спокойный, точно не кипела в нем страсть, он красиво, шагом доехал до конца ристалища и, взяв таким образом нужный разбег, с неслыханной стремительностью повернул коня и полетел, точно птица. Он вытянул копьё; недрогнувшей стрелой вонзилось оно в кольцо, и с быстротою мысли оказалось кольцо на острие копья.

Народ закричал:

– На этот раз выиграл владелец заклада!

Во второй раз подали тогда копьё могучему Саррасину. Он поехал к концу ристалища, повернул коня, помчался на нем, словно ветер, и, хотя он и хорошо нацелил копьё, на этот раз ему не удалось задеть кольца, и он промчался мимо.

Могучий Абенамар сказал тогда:

– Нам остается еще по одному копьё; третье копьё решит наше состязание. Так выполним же его, не откладывая.

И с этими словами он потребовал себе новое копьё, взял разбег, повернул коня, молнией налетел на кольцо, ударил в него копьём – и кольцо оказалось у него на копьё. Тут снова поднялся шум и крики, и все утверждали, что безусловно победил Абенамар.

И теперь было хорошо видно по лицу прекрасной Галианы, что она, видя, как ее Саррасин проигрывает, далеко не так довольна, как раньше.

А Саррасин, почти потеряв надежду на победу, взял новое копьё, проехал к концу, птицей помчался и на этот раз задел кольцо сбоку, сбил его на землю, но на копьё не нанизал.

Тут судьи объявили ему, что он проиграл и должен отдать заклад.

– Пусть сегодня я проиграл кольцо, – отвечал могучий Саррасин, – но настанет день, и я выиграю в настоящем поединке на копьях с двойным острием. И утраченное сегодня верну себе тогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.